

Эмилия Кирилловна Пименоваⁱ

ЭРО ДЕ СЕШЕЛЬ – ТВОРЕЦ ФРАНЦУЗСКОЙ КОНСТИТУЦИИ 1793 г.

Р.С.Ф.С.Р. Государственное издательство. 1923.
Напечатано по договору с издательством З.И.Гржебина.
Buchdruckerei & Vogt G.m.b.H., Berlin SW 48

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*; Юрий Карякин, редактор сайта *Великая французская революция*, 2003
Орфография оригинала сохранена. Примечания и ссылки, выделенные шрифтом, даны ред. *Vive Liberta*

ГЛАВА I

*Роковое прощание. — Беспечность французского общества. — Погоня за наслаждениями. — Возникновение клубов. — Парламенты и Генеральные Штаты. — Собрание нотаблей. — Начало карьеры Эро де Сешеля. — Парижская жизнь. — Мода. — Теория честолюбия. — Парижский день. — Очаг революции.*ⁱⁱ

В 1894 году французский художник Теодор Ривьер представил в Парижский салон картину, изображающую трагическое прощание двух отрубленных голов, после только-что совершившейся казни. Это были головы двух гильотинированных во время террора: Дантона и одного из его товарищей, казненного одновременно с ним. Но жюри салона отвергло эту картину, находя ее слишком революционной и поэтому она не попала на выставку.

Кровавый эпизод Великой Французской Революции, внушивший художнику идею этой картины, произошел 5-го апреля 1794 года.

Дантон стоял у подножия гильотины, дожидаясь своей очереди, и смотрел как его товарищи, один за другим, всходили на роковой помост. Вдруг один из них, молодой человек, выдающийся своей красотой, проходя мимо него со связанными руками, сделал к нему какое-то движение и нагнулся, как будто желая дать ему прощальный поцелуй. Но палач схватил его за плечи и грубо отдернул.

— Дурак! — крикнул палачу Дантон. — Разве ты можешь помешать нашим головам обменяться прощальным поцелуем на дне корзины, где они встретятся через несколько минут? Или тебе дано приказание быть даже более жестоким, чем сама смерть?..

Однако палач, как и все палачи в мире, не считал нужным церемониться с осужденными, и Дантон так и не мог при жизни проститься с молодым красавцем, голова которого через несколько минут скатилась в корзину.

Этот молодой красавец, так желавший перед смертью дать Дантону доказательство своей любви и дружбы, был Эро де Сешель. Всего лишь несколько месяцев тому назад он был предметом самых восторженных оваций со стороны парижской толпы, после того, как превозгласил с трибуны конституцию французскому народу. А теперь эта самая толпа, так превозносившая его тогда, сбежалась посмотреть, как скатится его отрубленная голова на окровавленный помост гильотины.

Эро де Сешель происходил из знатного рода, и его детство и юность протекли среди блеска и роскоши двора. Он был кузеном герцогини Полиньяк, любимой подруги Марии Антуанетты и внуком всемогущего полицейского генерала при Людовике XV. Эро едва

ⁱ Эмилия Кирилловна Пименова (1855-1935) – незаслуженно забытый литератор, переводчик, популяризатор исторических знаний. См. о ней биографический очерк *Н.Ефремовой*: <http://vive-liberta.narod.ru/journal/em-pimenova.pdf> и др. материалы <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#epimen>.

ⁱⁱ Все дополнительные материалы об Эро де Сешеле – в конце книги.

Дополнительные материалы к главе: **Л.-С.Мерсье**, «**Картины Парижа**» (<http://enlightment2005.narod.ru/private/Mercier/merc.htm>), «**Агония французского абсолютизма**» (<http://enlightment2005.narod.ru/papers/fr-absol.pdf>), **Л.Пименова**, «**Просвещение и «дворянский расизм»: особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII в.**» (<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lpimen3.pdf>), **З.Иванова**, «**Дискуссии о французском дворянстве**» (<http://enlightment2005.narod.ru/papers/z-ivanova.pdf>), **Е.Лебедева**, «**Дворянство и налоговые привилегии накануне революции**» (<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf>), **Т.Богданович**, «**Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.**» (http://enlightment2005.narod.ru/papers/bogd_arist.htm), **М.Чепурина**, «**Общественное мнение накануне революции**» (http://vive-liberta.narod.ru/discuss/mach_TC.htm#public_opinion).

исполнилось двадцать лет, как он уже занял место королевского прокурора в суде, где скоро приобрел славу замечательного оратора и выдающегося юриста, а затем, весьма скоро, герцогиня Полиньяк доставила ему место генерал-прокурора парижского парламента.

Красивый, изящный Эро де Сешель был общим любимцем при дворе Людовика XVI и так понравился королеве Марии Антуанетте, что она даже собственноручно вышила ему шарф, что разумеется дало повод к толкам и разным игривым замечаниям в великосветском обществе. Впрочем, это общество вообще восхищалось Эро де Сешелем, в особенности восхищались им женщины, преклонявшиеся перед его умом, красотой и талантами. Когда же он произносил свои речи в парижском парламенте, то самый изысканный круг Парижа стекался его слушать.

Перед ним открывалась блестящая карьера. Честолюбивый и тщеславный, он, конечно, должен был взойти на высшие ступени общественной лестницы. Но монархия уже находилась на краю гибели, и хотя блеск придворных празднеств, театры, развлечения и удовольствия, шум общественной жизни заглушали смутную тревогу даже от наиболее проницательных людей, однако, они чувствовали ее все более ясно.

Самой характерной чертой предреволюционного периода во Франции была беспечность французского общества. Знаменитый политический деятель Талейран сказал об этих днях: «Кто не жил тогда, тот не знает, что такое блаженство жизни!». А другой французский писатель, граф де Сегюр, бывший министр, пишет в своих «Воспоминаниях»: «Все соединились тогда, чтобы дать нам счастливые дни, и никогда столь ужасному пробуждению не предшествовал сон, столь сладкий и упоительный!». . . .

Действительно, жизнь этого веселого, изящного и разгульного великосветского общества представляла одно сплошное пиршество. Королевский двор, родовитое дворянство, высшее духовенство и высший судебный класс — вот из кого состоял тот привилегированный круг, для которого наслаждение составляло главную цель жизни. В этот круг старались попасть крупнее финансисты, а также ученые и литераторы через посредство браков и высших государственных должностей. Но хотя герцоги и маркизы любезно принимали их, но они все-таки оставались случайными пришельцами в великосветских салонах.

Общественная жизнь в Париже была ключей, и театры всегда были переполнены зрителями, ловившими с жадностью каждый намек на разных лиц, занимающих высокое общественное положение и на события и общее положение дел во Франции. Особенно шумно протекала жизнь в Версали, где все внимание молодой, легкомысленной королевы было направлено на устройство разных оригинальных празднеств и домашних спектаклей, в которых она сама принимала участие. Впрочем это не мешало ей также участвовать в интригах двора и влиять на назначение и смену министров.

В этот период времени начали возникать в Париже новые учреждения по английскому образцу, называемые «клубами». Эти клубы носили самые разнообразные наименования и преследовали самые различные цели. Те разговоры, которые велись в светских салонах на разные политические и религиозные темы о свободе верований и лучшем устройстве общества на началах природы и разума, в клубах приобретали более жгучий и практический характер. Один иностранный путешественник, посетивший в этот промежуток времени Париж, сказал, что он замечает в нем некоторую перемену в том отношении, что теперь говорится на улицах все то, что раньше говорилось только в салонах. Когда Людовик XVI обратился к Ришелье с вопросом, что скажет он о трех царствованиях, которых был свидетелем (Ришелье состоял при Людовике XIV, при Людовике XV и, наконец, при Людовике XVI), то он ответил королю:

— Государь, при Людовике XIV никто не смел проговорить ни слова, при Людовике XV говорили шепотом, а теперь говорят громко!

Действительно, на улицах и в клубах говорили о расточительности королевы и двора, о финансовых неурядицах, о злоупотреблениях всякого рода и деспотизме министров. Но пока еще это оппозиционное настроение общества, выражавшееся довольно громко, не было направлено ни против монархии, ни против особы короля, хотя тогда в образованном французском обществе почти уже не встречались сторонники самодержавной монархии. Но против Версальского двора постепенно накапливалась ненависть, так как в нем видели главную помеху необходимым реформам.

Легкомысленное отношение к назревавшим событиям проникало во все французское общество, и пока ненависть к существующему порядку не приобрела острых форм, она выливалась лишь в шутках, песнях и остротах. Общество смеялось над всем и над самим собой. В этом отношении особенно характерен тот успех, которым пользовались комедии Бомарше. В его «Севильском Цирюльнике» заключались остроумные выходки против аристократии, что вызывало бурные аплодисменты публики. Еще более головокружительный успех имела другая комедия Бомарше: «Свадьба Фигаро». Об этом сам автор выразился следующим образом:

— Есть нечто еще более безумное, чем моя пьеса, это — ее успех!

Общество с восторгом апплодировало пьесе, которая резко осуждала его жизнь. Распущенность проникала во все слои общества, в особенности же она была распространена в придворном кругу, где легкость нравов была общим правилом. Исключение составлял разве только один король, Людовик XVI, ленивый от природы, нерешительный и уступчивый, совершенно неспособный к борьбе, для которого занятие государственными делами составляло величайшую тягость. У него была только одна серьезная страсть — охота. Но он находился всецело под влиянием своей супруги, очень легкомысленной и веселой Марии Антуанетты и поэтому, несмотря на свои скромные вкусы и стремление к бережливости, он предоставлял ей делать безумные траты на свои туалеты и на блестящие придворные празднества, предпочитая им занятие кузнечным ремеслом, которое было такой же его страстью, как охота. При малейшей возможности, король ускользал от блестящего общества королевы и удалялся в маленькую домашнюю кузницу, специально для него устроенную, где никто не мешал ему предаваться своему любимому занятию под руководством слесаря, обращавшегося с ним просто, как с товарищем. Когда же он появлялся среди придворных, они исподтишка посмеивались над ним. Он был толстый, неуклюжий, красный и рядом со своей изящной, красивой супругой представлял столь разительный контраст, что молодежь при дворе называла его Вулканом, а ее Венерой*. Смеялись также над его аппетитом и над привычкой фальшиво подпевать басом во время богослужения. Но он как будто не замечал этих насмешек или относился к ним снисходительно. Немногие среди людей, окружавших трон, относились к Людовику XVI серьезно; большинство знати, а особенно молодежь считало даже особенным шиком нарушать приказания короля, на что он, впрочем, смотрел сквозь пальцы.

Таково было легкомысленное и веселое парижское знатное общество, в котором Эро де Сешель начал свою карьеру. В 1786 году он был уже генеральным прокурором парижского парламента, чрезвычайно внушительного по составу членов, но ничтожного по влиянию на дела государства.

«Парламентами» назывались учреждения до-революционной Франции, представлявшие судебные палаты для отдельных областей страны. Они считали себя хранилищами законов, призванными следить за их исполнением и умерять действия королевской власти.

Драпируясь в свои красные мантии и принимая позы римских сенаторов в тогах, члены парламентов произносили почти накануне революции громкие, напыщенные речи, в которых красноречиво клеймили деспотизм и тиранию, осуждали аристократию и провозглашали свободу, нацию и республику. Они и сами не замечали, что говорили уже языком революции и как будто заранее репетировали ее будущие сцены, возбуждая торжественным и угрожающим тоном созыва Генеральных Штатов.

Собрания сословных представителей населения страны существовали почти во всех европейских государствах. В Англии такое собрание называлось парламентом, там оно постепенно превратилось из сословного представительства в национальное. Во французских Генеральных Штатах, не созывавшихся, правда, пред революцией почти два столетия, было представлено три сословия, первое место принадлежало духовенству, второе — дворянству, а представители буржуазии назывались «третьим сословием». Члены первых двух сословий пользовались большими правами и преимуществами, так, например: они были подсудны особому суду, не платили многих налогов, ложившихся тяжелым бременем на остальное население, и имели право занимать высшие должности в государстве.

Третьим сословием в городах была так называемая буржуазия, средний класс между привилегированными дворянами и духовенством, и народной массой — крестьянами и рабочими.

Французские Генеральные Штаты не могли ограничить королевскую власть в деле издания законов и назначения налогов. Притом же они почти два столетия не созывались вовсе, что конечно было полным устранением общественных сил от управления государством, и в этот промежуток времени самодержавие королевской власти достигло высшей точки.

От начала царствования Людовика XVI до революции прошло только пятнадцать лет, но в этот промежуток времени правительственная политика обнаружила большие колебания, то предпринимая реформы, то опять отступая назад, когда одерживало победу влияние двора и привилегированных сословий, не желавших никакой перемены в существовавших отношениях.

Между тем государственные дела запутывались все больше и больше. Половинчатые меры, особенно в области финансового управления, не достигали цели, а министры, предлагавшие реформы, которые были не угодны двору, конечно, не долго оставались на своих местах. Так было с министром финансов Неккером, который опубликовал государственную роспись доходов и расходов, составлявшую до этого времени государственную тайну, при чем он не скрыл ни ежегодных дефицитов, ни громадной суммы, которую поглощало содержание двора. Этот отчет переходил из рук в руки, его все читали и, разумеется, происходили по этому поводу разговоры, весьма неприятные для двора.

* Вулкан, бог огня у древних греков, был уродлив и хром, греки представляли его себе кузнецом; Венера — богиня красоты.

Парламенты, как провинциальные, так в особенности парижский, были в это время очагами оппозиции двору, но в сущности все дело ограничивалось лишь громкими напыщенными фразами и подчас высокомерным и резким обращением духовенства или дворян к власти короля. Разумеется, такие речи вызывали восторги толпы, недовольной существующим порядком вещей, что давало повод членам парламентов считать себя основателями и защитниками общественной свободы. Однако, все эти господа относясь враждебно к церкви и короне, крепко держались за свои собственные привилегии. Стремясь унижить правительство, они, как будто, становились во главе общественного мнения и чрезвычайно гордились этим. Молодые аристократы, составлявшие почти одну треть парижского парламента, соперничали друг с другом, придумывая сильные выражения и затем посвящали близкие им общественные круги, не имевшие доступа в парламент, в тайны парламентских заседаний, упиваясь их восторгами. Они считали большою доблестью нападки на двор и хвастались, если навлекали на себя его немилость, но в глубине души большинство из них завидовало придворной знати. В действительности их жены и дочери только и мечтали о том, как бы попасть в Версаль и, хотя мужья и отцы разделяли их желанья, но оппозиционное настроение было в моде тогда, и потому они не могли отставать от других; в своем намерении передать в руки Генеральных Штатов свое кажущееся могущество они видели верх самоотвержения с своей стороны. Впрочем большинство этих самоотверженных деятелей, конечно, надеялось втайне забрать в свои руки Генеральные Штаты, завладеть ими, и, в конце концов, самим сделаться министрами.

Однако парижский парламент, несмотря на резкие речи (раздававшиеся в его стенах и на свое оппозиционное настроение), все-таки был в большой моде и при дворе. Придворные дамы стремились лопасть на торжественные заседания, а молодежь, принадлежавшая к самому знатному кругу, буквально осаждала двери парламента в дни заседаний.

Требования созыва Генеральных Штатов раздавались все громче и громче, и король по совету министра Калонна, сменившего Неккера, уволенного королем после опубликования государственной росписи, решил созвать собрание, так называемых, нотаблей. И в былые времена, когда правительство не желало созывать Генеральные Штаты, оно заменяло их собранием нотаблей, т.е. именитых или почетных лиц, назначаемых по выбору короля из всех трех сословий. Собрание это, следовательно, не являлось выборным и преимущественно состояло из духовенства и дворян; представителей же третьего сословия в нем было очень мало.

Идея созыва нотаблей, которые должны были упорядочить финансы государства и ввести некоторые полезные реформы, не имела успеха, легкомысленное французское великосветское общество даже осмеяло ее. Какие то шутники прибили к дверям дома министра афишу, извещающую, что «большая труппа господина Калонна даст сего 29 января 1787 года первое представление пьес: «Обманчивая наружность», «Долги и промахи». К этому было сделано примечание, что автор берется подсказывать, в случае если актеры запнутся или перепутают свои роли.

С насмешкой говорили о предстоящем созыве нотаблей, на улицах продавали гипсовые фигурки, которые от маленького торчка качали покорно головой, как бы в знак согласия; их называли нотаблями. Между прочим в Версали, в театре, в одной пьесе, когда действующее лицо — король пожаловался на свои затруднения, из партера вдруг раздался громкий возглас: «Что же вы не созовете нотаблей?» Это восклицание вызвало в зале взрыв хохота, присутствовавшая в театре королева запретила преследовать смельчака, издавшего этот возглас, и инцидент не имел никаких последствий.

Но попытка созвать нотаблей не имела, да и не могла иметь, успеха, в то время когда уже назревала идея участия нации в управлении государством, что в силу необходимости соединялось с идеей выбора представителей от всех сословий, а нотаблей нельзя было считать истинными представителями нации. Ко времени созыва нотаблей общественные дела сильно занимали всех. В клубах велись разговоры на политические темы и речи становились смелее. Министры, которые постоянно ссорились и интриговали друг против друга, только усиливали это общественное брожение. Требование созыва Генеральных Штатов стало всеобщим, и когда, в Версали, во второй раз были созваны нотабли, осенью 1788 года, в таком же составе, как и первые, то им уже был предложен на рассмотрение вопрос о созыве Генеральных Штатов.

Начавшееся общественное движение, конечно, отразилось и на парижском парламенте. Пылкий и впечатлительный Эро де Сешель, разумеется, не оставался в стороне, хотя он так же мало, как и другие члены парламента понимал, то новое, что начинало нарождаться в стране. Он просто жаждал подвигов и славы. В парламенте он скоро обратил на себя всеобщее внимание своей красотой и своим увлекательным красноречием. Однако, это не удовлетворяло молодого честолюбца, желавшего непременно прославиться. Сначала он мечтал лишь о славе философа, что не мешало ему однако принимать участие в развлечениях парижского сезона.

Жизнь в Париже была очень оживлена перед самой революцией. Кофейни, которые один французский писатель назвал «сборищем праздных людей и при этом нуждающихся», были всегда полны народа. Туда шли греться зимой, чтобы не жечь дров дома. На улицах стены домов всегда были покрыты разного рода афишами, объявлениями о театрах, книгах, продажах и покупках. Старые афиши ежедневно заменялись новыми. Приговоры суда также расклеивались, и иногда они были длиною в шесть футов и шириною в три фута и притом печатались мелким шрифтом. Публика, только смотрела на них и проходила мимо, не читая. Не так, конечно, она относилась к афишам и объявлениям другого содержания, в особенности к цветным театральным афишам.

Огромное значение в парижском обществе имела мода, требования которой были очень прихотливы и часто менялись. Так, например, некоторое время самым модным цветом был «цвет парижской грязи и птичьего помета». Женские модные прически представляли самые затейливые сооружения, и великосветские дамы с такими прическами с трудом могли влезать в свои кареты. Мужчины носили кружевные манжеты и это считалось обязательным в хорошем обществе. Один французский писатель того времени передает, между прочим, следующий факт. Хозяйка одного дома сделала строгий выговор привратнику, пропустившему в ее салон гостя, имевшего кружева только на одном рукаве. Это был весьма почтенный человек, но у него не хватило кружев на другой рукав и когда он входил, то дал заметить швейцару только одну руку. А в салоне в пылу разговора, он забыл об этой предосторожности и поднял другую руку, на которой были простые кисейные манжеты. На другой день, в этот самый дом явился один знатный офицер, потерявший одну руку в сражении, и привратник ни за что не хотел пропустить его, так как у него только на одной руке были кружевные манжеты.

Модистки в одной из наиболее модных улиц Парижа, какой была улица Сент-Оноре, всегда были завалены работой. Они делали, между прочим, куклы, одетые и причесанные по последней моде, и рассылали их в другие города вместо модных картинок.

Представительство и приемы играли главную роль в жизни знатного общества. У себя дома, в своих отелях в Париже, Версали и в своих замках за несколько миль от Парижа знатные дворяне стремились подражать жизни королевского двора. Министры, посланники, генералы, служившие представителями короля, всегда окружали себя большой пышностью.

Образ жизни знатных светских людей, когда они приезжали в свои поместья, обыкновенно мало отличался от парижского. Замки их были постоянно наполнены посетителями. К ним съезжались из Парижа, чтобы повеселиться, поохотиться и поболтать самые знатные люди, выдающиеся литераторы и все окрестные дворяне, живущие в своих поместьях. Особенно в моде были любительские спектакли, сделавшиеся одним из любимых развлечений светского общества.

Французский писатель того времени Мерсье в своих «Картинках Парижа» так описывает движение парижской жизни в этот предреволюционный период:

«Различные часы дня представляют в Париже постоянную смену покоя и движения. В семь часов утра на улицах появляются огородники с пустыми корзинами, верхом на клячах возвращаются они к своим огородам. Экипажей на улицах еще не видно. В этот час одеты и причесаны только мелкие служащие в различных конторах и бюро.

В девять часов можно уже видеть парикмахеров, обсыпанных пудрой с головы до ног и бегающих, держа в одной руке щипцы, а в другой парик. Служителя разносят из кофейен кофе по мебелированным комнатам. Около этого же времени подконюхи, в сопровождении лакеев, об'езжают лошадей по бульварам, и неопытные пешеходы должны очень остерегаться, так как могут дорого поплатиться за свою неосторожность.

Около десяти часов появляются судейские, отправляющиеся в суды. За ними бегут тяжущиеся. Виднеются их брыджи, мантии и мешки. Говорят, в шутку, что в суд непременно надо нести три мешка: мешок с бумагами, мешок с деньгами и мешок с терпением.

В полдень движение направляется к бирже. Туда идут толпой менялы и биржевые игроки, а праздный лют идет в Палэ-Рояль Квартал Сент-Оноре, где живут финансисты и люди, занимающие хорошие места, всегда бывает оживлен в это время дня и на улицах замечается большое движение. Искатели и просители направляются в разные стороны.

В два часа появляются на улицах люди, приглашенные на званый обед. Они идут причесанные, напудренные и нарядные, переступая на ципочках, из опасения выпачкать свои белые чулки.

Извозчиков нет, так как они в разборе. Если попадается фиакр, то из-за него возникает спор и случалось, что два человека одновременно отворяли дверцы и садились в экипаж. Полицейскому комиссару приходилось тогда решать, который из них должен выйти.

В три часа на улицах становится спокойнее, так как все в это время обедают. Но это спокойствие продолжается недолго и уже в пять часов поднимается страшная сумятица. Улицы переполняются народом, кареты катят во все стороны, люди едут на спектакли и на прогулки. В кофейнях толпятся посетители./P>

Спокойствие вновь наступает в семь часов, и город вдруг погружается в безмолвие. Это самый опасный час, так как чаще всего бывают нападения с наступлением темноты, когда городская стража еще не находится на своих местах.

День кончается, и пока на оперной сцене передвигают декорации, толпы рабочих, плотников, каменщиков и других людей труда, направляются в предместья, где они живут. Известка на подошвах их башмаков оставляет след на мостовой. Они идут спать тогда, когда маркизы и графини садятся за свой туалет!

Шум опять возобновляется к девяти часам, и дома дрожат от стука колес. Это возвращаются светские люди из театров и делают короткие визиты перед ужином. В этот же час по улицам расхаживают проститутки, с нарумяненными лицами и раскрытой грудью и шлепают по грязи в тоненьких башмаках и шелковых чулках, приставая к прохожим.

В одиннадцать часов опять водворяется тишина. В этот час кончается ужин. Тогда же удаляют из кофеен празднующихся людей и рифмоплетов, которые отправляются в свои мансарды.

В начале первого опять слышится стук карет. Это возвращаются домой те, кто не играет в карты. Этот стук будит мелкого буржуа, уже спящего в своей постели ...

В час утра шесть тысяч крестьян привозят в город запас овощей, плодов и цветов. Они направляются к рынкам, на своих утомленных лошадях. На главном рынке всю ночь на пролет движение. Там нет ни молчания, ни покоя. За огородниками следуют рыбаки, за рыбаками птичники, за ними перекупщики, так как все рынки в Париже получают припасы с главного рынка. Все харчевки переполнены. Водка льется рекой. Она смешана с водой и сильно приправлена перцем. Шум не прекращается там всю ночь, в то время как остальной город спит.

На рассвете поднимаются рабочие и идут в мастерские. Эти сильные люди употребляют в большом количестве кофе с молоком.

Беднота ютится преимущественно в кварталах Сент-Антуанском и Сен-Марсель. В этом последнем квартале парижская чернь самая бедная, самая бурная и самая недисциплинированная.

В каком-нибудь одном доме предместья Сент-Оноре, где живут зажиточные люди, занимающие лучшие должности, хранится гораздо больше денег, чем во всем предместье Сен-Марсель. Там, в этом предместье, в жилищах, удаленных от городского шума и движения живут разорившиеся люди, мизантропы, алхимики, а также несколько ученых мудрецов, ищущих уединения и желающих жить в неизвестности и вдали от шумных городских кварталов с их развлечениями и зрелищами. Никто ведь не явится искать их в этом удаленном квартале! Разве только кто-нибудь из любопытства зайдет сюда? Но здесь нечего смотреть и ничто не привлекает сюда посетителей. Здесь нет ни одного памятника и здешние жители не имеют никаких сношений с парижскими вежливыми обитателями берега Сены.

Но именно тут, в этом очаге невежества и бедности, скрыт источник буйства и возмущений. Люди здесь не знают других часов, кроме движения солнца. Они отстали на три века от всего. Всякие частные споры и распри разрешаются здесь публично. Если жена недовольна своим мужем, то она выходит на улицу, собирает соседей и рассказывает им обо всем, призывая таким образом своего мужа к суду народа. Споры всякого рода обычно кончаются кулачной расправой, но к вечеру мирятся.

Целые семьи обыкновенно теснятся в одной комнате, где часто ничего нет, кроме голых стен. Но чуть ли не каждые три месяца обитатели меняют свое жилье, так как хозяин вуголяет их за неплатеж. Дети здесь ходят нагишом и спят в повалку.

По воскресеньям весь этот люд наполняет кабаки. Надо же беднякам забыться от своих зол! В знаменитом «салоне нищих» мужчины и женщины танцуют без башмаков. Они кружатся без перерыва и поднимают такие облака пыли, так что их становится совсем не видно.

Население этих кварталов отличается возбужденностью и склонностью к мятежу. Полиция вообще боится раздражать его, так как тут чернь бывает склонна ко всякого рода неистовствам, Из этих то кварталов и вышли революционные банды...»

Но и здесь, как и всюду в Париже, все перелagается в песенки. Самый знаменитый человек остается народу неизвестным, если о нем не сложились песенки. Остроты, каламбуры и песенки — это вечная принадлежность французской жизни!

Эро де Сешель тоже проводил летние месяцы в своем замке Эпом в веселой, беззаботной компании блестящих собеседников, старавшихся перещегоолять друг друга своим остроумием и своим цинизмом. Происходили бесконечные прения о Боге, религии, нравственности и тому подобных вопросах. Никто в выражениях не стеснялся, но пальма первенства, по отзыву всех современников, принадлежала все-таки молодому хозяину, Эро де Сешелю.

Эро де Сешель, так же как и его веселые, беспечные товарищи, не слышал раскатов грома приближающейся революции. Он даже думал удивить читающую публику своими смелыми взглядами, издав за несколько недель до взятия Бастилии маленькую брошюру, которая, впрочем, была уничтожена раньше чем успела распространиться и лишь спустя несколько лет после его казни была издана под названием «Теория честолюбия».

Это был маленький философский трактат, несомненно имеющий значение для характеристики Эро де Сешеля, прозванного «Алкивиадом французской революции».

«Верь себе, познавай себя, уважай себя!» — Этими словами он начинает свой философский трактат. — Только соблюдение этих трех правил делает человека счастливым, добрым, разумным и свободным. Надо освободиться от предрассудков и от законов! Надо развивать и искусно восхвалять свой собственный ум и гений, расширяя в то же время сферу своих чувств и мыслей и помещая свою душу в центре вселенной. — Надо избегать подчиненных ролей, держаться подальше от высокомерных людей. Человек велик лишь постольку, поскольку он сам ценит себя!..

Таковы были основы на которых Эро де Сешель строил свою теорию нравственности. «Надо уметь все взвешивать и всем пользоваться» — говорил он. Он доверял только своему разуму и с высоты его величия взирал на весь остальной мир своих современников, считая лишь одного себя свободным человеком. Другие были «рабами», возбуждавшими в нем презрительное снисхождение. К таким «рабам» он причислял и свою кузину герцогиню Полиньяк, приятельницу королевы, и многих прелатов, и представителей придворной знати, а также молодых аристократов, составлявших тот круг, в котором он вращался.

— Надо с первого же раза совершить что-нибудь великое или по крайней мере такое, что могло бы удивить мир! Это надо сделать поскорее, потому что первая идея может оказаться и последней, — говорил Эро де Сешель и даже назначил для себя срок: он должен удивить мир, когда ему минет тридцать лет!

А пока этот срок не наступил, он жил тою же жизнью в Париже, какой жили все люди его круга.

ГЛАВА II

Две враждующие силы. — Протесты парламентов. — Последняя зима старой Франции. — Брошюра Сиееса. — Надежды и ожидания. — Открытие Генеральных Штатов. — Важный поворот. — Начало революции. — Эро де Сешель становится революционером. - Конституция 1791 г. - Праздник братства. — Темные дни.ⁱⁱⁱ

Легкомысленное и веселое французское светское общество находилось в состоянии сильного возбуждения, когда было объявлено королем собрание нотаблей. Общественное мнение относилось недоверчиво к этому собранию, но заметив в нем оппозицию правительству, тотчас же изменило свое отношение. Нотабли стали популярными, когда были распущены, и тогда уже ясно обозначились две враждующие силы, это были: король, с его советами и министрами — с одной стороны и нация или народ — с другой.

Парламент требовал созыва Генеральных Штатов и, произнося эти слова, становился как бы во главе либерального движения. В сущности привилегированные сословия сами расшатывали абсолютную монархию, на которой до сих пор держалась их власть, но делали это потому, что надеялись сохранить таким образом свои привилегии и при этом порядке вещей наступление которого уже предчувствовали. Двор же, нуждаясь в деньгах, стремился ограничить привилегии дворянства и духовенства, и это вызвало борьбу между привилегированными классами и придворными партиями, — борьбу, в которой первые сначала опирались на широкие народные массы, оказывавшие им поддержку. В чем поддержка, какова она?

Р.С.Ф.С.Р. Государственное издательство. 1923

Vive Liberta и Век Просвещения;

Великая французская революция, 2003

ⁱⁱⁱ Дополнительные материалы к главе: «А чем вы занимались до 1789 года?» - дискуссия об аристократии (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/HS/aristo.htm>), Ж.-Э.Сийес, «Что такое третье сословие?» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/QTE.htm>), И.Берго, «Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции» (http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm.htm), И.Берго, «Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749—1776 г.» (http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm2.pdf), Е.Плимак, «Завещание века разума» (глава из книги «Революционный процесс и революционное сознание») (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/plimak.pdf>). «Два 14 июля»: 1789 и 1790 гг. (http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl.htm, http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/14_jl_90.htm); Вареннский кризис и события на Марсовом поле 17 июля 1791 г. (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_var91.pdf; http://vive-liberta.narod.ru/journal/vladm_varennes.pdf; http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/varennes.htm).

Чтобы сломить сопротивление парламента первый министр Ломени де Бриенн, совместно с королем, задумал лишить парламенты всякого политического значения, и с этой целью были опубликованы в мае 1788 года королевские указы, отнимавшие у парижского парламента его право регистрации королевских эдиктов и заменившие его исполнительной королевской камерой, составленной из лиц, зависимых от двора.

Это вызвало бурю протестов. Парламенты всей Франции объявили, что будут считать «бесчестными» всех будущих членов исполнительной камеры! Дворянство же отправило ко двору депутацию с заявлением протеста. Депутаты Бретани были заключены по приказу короля в Бастилию, но вместо них явились уже несколько десятков других депутатов с таким же протестом.

Наступила последняя зима старой Франции, и притом зима была особенно холодная. Урожай был плохой, и хлеб был дорог. Народ голодал. Во многих провинциях начались волнения. На поиски, посланные для подавления мятежей, правительство не могло вполне положиться. Дело в том, что Людовик XVI, говоривший в своих речах к нотаблям о правах народа, как раз постановил, что не только поручик, недворянского происхождения, лишается возможности получить дальнейшее повышение в чине, но даже вновь поступившие в армию могли быть произведены в поручики только в том случае, если они в состоянии были назвать четыре поколения своих предков! Таким образом ни один солдат в армии не мог рассчитывать на повышение, да еще кроме того строгость воинского устава была усилена, по образцу прусских и австрийских уставов, что вызывало сильное неудовольствие и укрепляло оппозиционный дух в армии. Офицеры недворянского происхождения понимали, что в борьбе парламентов с монархией дело идет о привилегиях дворянства и поэтому склоняли войско к неповиновению, так что даже в Париже можно было каждую минуту ожидать всеобщего восстания.

А между тем в высшем кругу увеселения шли своим чередом. Возникла новая мода, вызванная холодом — ношение муфт, и светские франты прогуливались по улицам, пряча свои руки в огромных муфтах. В моде было также иметь при себе непременно двое часов. Азартная игра достигла крайних пределов. Мужчины и женщины великосветского круга проводили дни и ночи в роскошных игорных притонах, которые назывались «адам». Жизнь этого общества, по свидетельству современников, представляла в это время не что иное, как веселый разгульный карнавал.

Но оппозиционное движение разрасталось, захватывая все большие и большие слои общества, и отражалось в журналистике того времени, которая становилась, по выражению одного французского историка, «новой общественной силой». Среди множества брошюр и памфлетов, появившихся в последнее время перед созывом Генеральных Штатов, особенное внимание вызвала брошюра аббата Сийеса «Что такое среднее сословие?» Это была маленькая книжка, не более 130 страниц, но прекрасно выражавшая настроение среднего круга.

Автор ставит три вопроса, давая на них ответы: 1) Что такое третье сословие? — Все. 2) Чем оно было до сих пор? — Ничем. 3) Чем оно хочет быть? — Сделаться чем-нибудь в политическом строе.

«Среднее сословие, — говорит автор, — это вся нация! Если она не может образовать собрание сословных представителей то образует «национальное собрание». Депутаты духовенства и дворянства не имеют ничего общего с народным представительством. Союз между тремя сословиями в собрании невозможен. Одно общее желание может соединить их, подобно тому как соединяются три союзные нации, но все же из этого соединения не может образоваться «единой» нации, «единого» представительства, «единой» воли!... В чем интерес среднего сословия? Во благе нации. Народ это единственная корпорация, не живущая злоупотреблениями и всегда страдающая от них. Что требует народ? Общественной свободы и национальной реформы.»

Брошюрка Сийеса не только произвела впечатление и понравилась публике, но даже оказала большое влияние на постановку вопроса о Генеральных Штатах. Штаты эти созывались теперь почти после двухвекового перерыва, и в народе они были позабыты, да и в обществе о них знали очень мало. Само собою разумеется, что приверженцы старины настаивали на старых формах, т.е. на том, чтобы по всем вопросам голосование происходило отдельно в каждом сословии и за каждым сословием считался бы потом один голос, следовательно привилегированные сословия имели бы два голоса против одного голоса третьего сословия. Ясно, что при таких условиях, предложения в пользу большинства нации не имели бы шансов на успех и неизменно проваливались бы двумя голосами дворянства и духовенства. Тем не менее все надеялись, что Генеральные Штаты произведут коренные перемены в государственном и общественном устройстве, и никто не сомневался, что они объявят войну абсолютизму. Привилегированные классы, чувствуя приближение опасности, искали защиты у двора и вступили с ним в союз, но Людовик XVI не имел ни силы воли, ни характера, чтобы противостоять надвигающейся грозе и чаще чем когда-либо уезжал на охоту, предоставляя своим министрам улаживать дело.

Все классы общества возлагали надежды на Генеральные Штаты, и, разумеется, каждый класс имел в виду только свои интересы. Монархисты рассчитывали, что предстоящее издание основных государственных законов укрепит положение монархии, а потом уж она найдет возможность отменить их в подходящий момент. Духовенство и дворянство возлагали свои надежды на борьбу партий в парламенте, благодаря которой им удастся сохранить свои привилегии. Буржуазия мечтала о свободе личности обеспечении частной собственности, а ремесленники и рабочие надеялись освободиться от полицейского гнета и получить лучший заработок. Крестьяне в свою очередь ждали, что Генеральные Штаты освободят их от оброка и барщины и уничтожат крепостное право. Словом вся Франция была в ожидании, колеблясь между страхом и надеждой. Известно было, что выборные представители сословий были снабжены наказами, в которых были изложены все жалобы и нужды населения. Хотя эти наказаы в подробностях и отличались друг от друга, но тем не менее они все сходились на том, что Генеральные Штаты, должны пересоздать государство и общество и с этой целью следует издать основные государственные законы, т.е. полную конституцию и следовательно политический строй государства должен бы был получить форму наследственной конституционной монархии. О республике в наказах не говорилось еще ни слова.

Открытие Генеральных Штатов состоялось 5 мая 1789 г в Версали при очень торжественной обстановке. Дворяне выступали в пышных одеждах, в шляпах со страусовыми перьями, вооруженные шпагами. Духовенство было в полном облачении, а третье сословие носило простую черную одежду. Все сословия были строго отделены друг от друга. Представители привилегированных сословий были введены в зал заседаний через парадные двери, а третьему сословию был указан вход через боковую дверцу, при чем даже скамьи, предназначенные для третьего сословия, были ниже тех, на которых сидели представители привилегированных классов.

Разумеется, сразу же обнаружилось несогласия. Привилегированные сословия не захотели соединиться с третьим сословием в одном помещении для проверки сообществ полномочий, и пререкания продолжались довольно долго. На этот раз победа осталась за третьим сословием, которое объявило себя Национальным Собранием на том основании, что оно состояло из представителей 96% нации, и следовательно могло считаться представительством французского народа. Таким образом, сословное собрание Генеральных Штатов превратилось в «бессословное» Национальное Собрание, что было уже само по себе знаменательным событием.

Собравшийся народ громко выражал свое сочувствие третьему сословию, но двор и привилегированные классы возмутились таким дерзким поведением, и король велел закрыть зал заседаний Национального Собрания. Однако, дело уже зашло слишком далеко, всеобщее возбуждение было слишком велико, поэтому депутаты решили не расходиться. Они собрались в зале придворного манежа для игры в мяч. В этой огромной и пустой зале, без всякой мебели, была произнесена членами Национального Собрания знаменитая клятва «не расходиться и собираться всюду, где только представится возможность», пока не будет выработана для Франции конституция, и она не получит надежных гарантий.

С этого момента наступил поворот, и гибель абсолютизма во Франции стала неизбежной. Между Национальным Собранием и двором началась борьба, и когда зал манежа был закрыт по приказу короля, депутаты собрались в церкви и там продолжали заседание. В этот день 150 человек из низшего духовенства торжественно присоединились к Национальному Собранию.

Но двор не хотел уступать. Назначено было торжественное королевское заседание, на котором Людовик XVI объявил уничтоженными все решения третьего сословия, как противоречащие законам и государственному устройству, затем он предписывал депутатам сохранять в полной неприкосновенности старое разделение на сословия и вообще запретил касаться прав, принадлежащих привилегированным и королевской власти. Он закончил свою речь словами:

— Приказываю вам, господа, разойтись, а завтра утром собраться каждому сословию отдельно, в отведенной для него палате.

Сказав это, он удалился; а вслед за ними вышли духовенство и дворяне, но депутаты третьего сословия остались на своих местах. На требование разойтись Мирабо ответил знаменитыми словами:

— Мы собрались здесь по воле народа, и разогнать нас можно только силой штыков.

В конце концов король уступил, и почти все депутаты двух первых сословий вошли в состав Национального Собрания, которое приступило к выработке конституции, превратившись таким образом в Учредительное Собрание.

Однако при дворе все-таки не думали уступать, и вокруг Парижа и Версаля стали стягивать войска, что, разумеется, только увеличивало возбуждение народа, собиравшегося толпами во всех общественных местах. Рабочие собирались на улицах, а представители буржуазии в Городской Ратуше.

Волнение еще усилилось, когда сделалась известна отставка популярного министра Неккера, которому было даже приказано немедленно убраться из Парижа, что он и сделал, опасаясь, не без основания, ареста, так как при дворе почему-то вообразили, что он может стать во главе народного восстания.

Во всех этих событиях Эро де Сешель не принимал непосредственного участия, хотя в парламенте он и произносил иногда оппозиционные речи. Он все-таки оставался представителем привилегированного класса и не примыкал к начавшемуся движению. Но вскоре и он был увлечен революционным водоворотом.

Утром 14 июля 1789 года до него донесся глухой рокот, точно шум надвигающегося прилива, готового затопить Париж. И действительно, это был шум поднимающейся революционной волны. Эро де Сешель выскочил на улицу и тотчас же присоединился к толпе, идущей брать штурмом Бастилию. Быть может, вначале он пошел только из любопытства, как и многие другие из приверженцев старого режима. В газетах были потом поименованы разные, вполне миролюбивые люди, аббаты и придворные, присутствовавшие в качестве зрителей при этом великом акте. Там был и Бомарше, вместе с герцогом Шартрским и писательница мадам де Жанлис, воспитательница детей герцога, смотревшая на эту сцену с террасы сада. На углах улиц можно было видеть коляски с гербами и в них разряженных дам, наблюдавших с жадным любопытством невиданное доселе зрелище. Для них пока еще это было только театральное представление, и никто не думал о глубоком значении этого революционного акта. Большинство смотрело на это, как на простой бунт парижской черни. Так думал и король, когда ему сообщили о парижских событиях. — «Но ведь это бунт!» — воскликнул он. — «Нет, — отвечал ему герцог Лианкур, — это революция!»

Эро де Сешель, смешавшись с толпой, сначала как простой зритель, скоро был охвачен революционным энтузиазмом. Его несколько не смутили яростные крики, требовавшие смерти королевы и герцогини Полиньяк, его кузины. Он, этот изящный, светский кавалер и один из первых сановников королевства, шел в первых рядах революционно настроенной толпы и вместе с нею взобрался на башни Бастилии!

Два человека возле него были убиты, но это не остановило его. Он как будто ничего не сознавал, ничего не помнил, — он был весь во власти охватившего его порыва, и отдавался на волю речения, уносящего его...

Таким образом Эро де Сешель, генеральный прокурор парижского парламента, сразу попал в самый центр революционного кипения и, несмотря на увещания и возмущение своей семьи, лишившей его за это денежной субсидии, на негодование своих родных, которые даже отrekliсь от него, он ни разу не свернул с того пути, на который вступил в памятный день 14 июля. Присоединившись к революционному движению, он оставался верен революции до конца, хотя люди, близко знавшие его, утверждали, что ему вовсе не легко было отрешиться от своих прежних взглядов, привитых ему воспитанием и средой, в которой он до сих пор вращался.

Революция двигалась вперед гигантскими шагами. На развалинах трона скоро возвысилась трибуна, с которой Мирабо произносил свои громовые речи. Наконец, 15 октября 1790 года был закрыт парижский парламент, впрочем почти уже переставший существовать, так как только одно отделение суда еще продол жало свои заседания. Когда и это отделение было закрыто, то члены его прежде чем разойтись навсегда подписали секретный протест. Но, разумеется, никто не обратил внимания на это событие, которому авторы протеста придавали такое значение, и лишь какой-то анонимный писатель выразил по этому поводу свои сожаления в брошюре, озаглавленной: «Глас вопиющего в пустыне».

Светское избранное общество, всегда принимавшее Эро де Сешеля с распростертыми объятиями и раньше так восторгавшееся его красотой и талантливостью, теперь отвернулось от него и закрыло для него свои двери. Впрочем, тогда уже во многих семьях аристократии произошел раскол. Революционная зараза проникла в аристократические салоны, в самый замкнутый круг, и там происходили бурные сцены между приверженцами старого и нового порядка. Заря новой жизни в особенности увлекала восторженную молодежь, которая рвалась вперед, готовая сокрушить все преграды к осуществлению великих принципов свободы и равенства. Эро де Сешель был таким же энтузиастом, и окончательно изгнанный из своего прежнего круга открыто присоединился к новому режиму. Ему удалось победить существовавшее в революционных кругах предубеждение против него, как близкого родственника семьи Полиньяк. Его увлекательное красноречие обеспечивало ему успех на трибуне, и он твердо рассчитывал на то, что ему удастся создать себе в глазах народа такой ореол, который затмит все его прежние, кастовые привилегии, уничтоженные под нывшейся народной волной.

Между тем Национальное Собрание приступило к выработке конституции, но прежняя энергия в нем как будто ослабела, и оно обнаружило какую то непоследовательность и нерешительность, словно боясь нарушить права короля на утверждение конституции и потому, не решаясь объявить ее, уже вступившей в законную силу.

Впрочем эта конституция носила половинчатый характер и далеко не оправдывала возлагаемых на нее ожиданий. За королем были признаны неприкосновенность и титул короля французов. Этим думали подчеркнуть конституционный характер королевской власти, как высшей государственной должности, вместо прежнего понятия о ней, как об абсолютной власти. Но хотя Национальное Собрание уничтожило дворянское сословие, гербы, наследственные титулы и ордена, но не сумело возвыситься до идеи всеобщего избирательного права, и в основу избирательного закона был положен ценз, что должно было только подчеркнуть разницу между, так называемыми, «почетными гражданами» и народной массой. Такой же половинчатый характер носили и правила, касающиеся духовенства. От священников, как от государственных чиновников, требовалась гражданская присяга, и большинство духовенства, даже низшего, бывшего на стороне революции, отказалось от этого. Завязался по этому поводу спор, которым воспользовались король и его приверженцы, стараясь еще более обострять его. Священники, принешие присягу и не принешие ее, вели между собой ожесточенную борьбу, которую еще усилил папа, запретив духовным лицам принимать присягу. Таким образом, Национальное Собрание, не довершив дела до конца и не решившись объявить отделение церкви от государства, создало почву для новой агитации и новых распри. Подстрекательство духовенства, разжигавшего религиозный фанатизм, в значительной степени содействовало возникновению и поддержанию гражданской войны, неизбежным следствием которой явились и все дальнейшие мероприятия революционного правительства, вынужденного прибегать к ним, чтобы удержать власть в своих руках.

Расстройство народного хозяйства, выпуск бумажных денег (ассигнатов), которые быстро стали падать в цене, закон, воспрещавший союзы и стачки, и недостатки избирательного закона, ограничивающего права граждан, — все это создавало почву, благоприятную для агитации и вызвало тревожное настроение, поддерживаемое слухами о замыслах и интригах двора и эмигрантов, и о враждебных намерениях иностранных держав.

Между тем конституция 1791 года не находила сочувствия, ни, в короле, который лишь поневоле принял ее, ни в новом Законодательном Собрании, которое должно было приводить ее в исполнение. В этом собрании уже начало обнаруживаться более республиканское настроение, и поэтому его столкновения с королем были неизбежны. Король противился всем мерам, направленным против духовенства и дворянства, и его упорство все расширяло пропасть, существовавшую между Монархической властью и народом, который, вполне естественно, ничего так не боялся, как возврата к старым порядкам. Само собою разумеется, что приготовления иностранных государей, намеревавшихся помочь французскому королю, только усиливали враждебное настроение населения против монархии, и революция должна была развиваться дальше.

Наступила годовщина взятия Бастилии, и этот день был отпразднован в Париже очень торжественно. Местом празднества было выбрано Марсово поле, которое было приспособлено так, что оно могло вместить 400.000 человек. Посредине был сооружен алтарь отечества, в античном стиле, который возвышался над площадью, а вокруг него был выстроен амфитеатр, где должны были заседать король, члены Национального Собрания и члены муниципалитета.

Приготовления к этому празднику, который должен был быть днем провозглашения братства всего французского народа, вызвали сильное воодушевление в Париже. Когда возникли опасения, что работы на Марсовом поле не будут окончены к сроку, то явились тысячи добровольцев, и даже нарядные дамы взяли за лопаты и заступы. Работали все, мужчины и женщины, старики и дети, знатные господа и простые поденщики! Согласие было полное, и все дружно распевали «гимны свободы». В числе добровольцев находился и Эро де Сешель, который, после преобразования судебного ведомства, был назначен королевским комиссаром при кассационном суде. Он оказался усердным землекопом и распевал песни свободы, в то же время прекрасно работая заступом и окруженный простыми рабочими.

Кроме таких добровольцев рабочих из высшего круга было немало простых зрителей и в особенности зрительниц из великосветского общества, приезжавших в колясках посмотреть на работы. Одна молодая девушка, сидевшая в экипаже вместе со своей матерью, увидела Эро де Сешеля, который всегда и всюду привлекал внимание своей красивой наружностью.

— Мама, — сказала она, — вот Эро де Сешель! С каким воодушевлением он работает заступом!.. Я пойду, поговорю с ним.

- Ты забываешь, что он брал Бастилию! — с упреком ответила мать.

- Ну так что ж? — воскликнула молодая девушка. — А теперь он «берет» Марсово поле!..

И она, выскочив из экипажа, побежала к нему...

Благодаря таким совместным усилиям парижского населения, работы были окончены во время, и праздник удался вполне. Все французские департаменты прислали своих представителей на это празднование первой великой годовщины. Впереди процессии двигался батальон вооруженных детей в сопровождении национальной гвардии и членов Национального Собрания. Громадная толпа наполняла улицы на пути к Марсову полю, и весь город расцвел флагами. Алтарь отечества был окружен тремястами священников в белых ризах, с трехцветными шарфами, и была отслужена торжественная обедня, при чем священнослужителем был знаменитый аббат Талейран, который благословил древнее знамя французских королей (орифламм) и знамена 83 французских департаментов. Затем явился генерал Лафайет, назначенный главнокомандующим национальной гвардии всего французского королевства. Два гренадера подняли его на алтарь при громких криках толпы, и он оттуда произнес торжественную присягу, которую повторил за ним весь собравшийся народ.

— Клянемся в вечной верности народу, закону и королю! Клянемся защищать всеми силами конституцию, выработанную Национальным Собранием и принятую королем, и сохранить неразрывные узы братства между всеми французами!

Присягу эту подхватили 400.000 человек с величайшим одушевлением. Зазвучали трубы, раздался салют и затем выступил король и торжественно поклялся соблюдать конституцию.

За королем выступила королева. Она со слезами подняла вверх своего сына и громко произнесла:

— Вот мой сын! Мы с ним разделяем образ мыслей народа!

Народ восторженно приветствовал обоих, но скоро ему пришлось убедиться, как мало можно доверять искренности монархов в таких случаях! А пока ничто не нарушало праздничного настроения всех, даже хлынувший внезапно дождь. На том месте, где еще недавно возвышались стены Бастилии, бывшей оплотом монархической власти, теперь происходили танцы, и пары кружились с величайшим оживлением, не взирая на потоки дождя и на мокрое платье. Все были опьянены радостной мыслью о свободе, о заре новой жизни и возрождении Франции.

Но приверженцы старого порядка не могли отказаться от мысли об его восстановлении. Они не понимали, что возвращение назад уже невозможно и своими происками и заговорами достигли лишь того, чего сами боялись больше всего, именно — низвержения монархии.

Праздник кончился, и наступили темные дни. Население парижских предместий голодало, дороговизна возрастала, а вместе с этим возрастала и безработица. Национальное Собрание как-то растерялось и не могло справиться с этими затруднениями. Народ голодал, а барышники и скупщики жизненных припасов наживались, что, разумеется, порой вызывало взрывы народного гнева. Возникали беспорядки, которые подавлялись силой оружия, как и «в доброе старое время». Муниципальная власть проявила в этом отношении большую жестокость и даже устроила новую Бастилию в Венсенне, куда сажали так называемых «подстрекателей» к беспорядкам. Столкновения между городской властью и населением происходили все чаще и чаще, отношения между ними обострялись и привели, наконец, к большому кровопролитию на Марсовом поле, которое произошло у самого подножия алтаря свободы.

ГЛАВА III

Партии Законодательного Собрания. — Борьба старой и новой Франции. — Эро де Сешель переходит к якобинцам. — Жирондистское министерство. — Нападение на Тюльерийский дворец. — Празднование второй годовщины взятия Бастилии. — Отношения портятся. — Выступление парижских секций. — Образование коммуны: — Крушение монархии. — Король скрывается в Законодательное Собрание. — Письмо Эро де Сешеля Конвенту.^{iv}

Законодательное собрание приступило к работам в октябре 1791 года. На выборах не прошел ни один из представителей высшего дворянства или духовенства и в этом собрании преобладали адвокаты, несколько духовных лиц и несколько литераторов. Большинство были люди молодые, в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет.

ЭРО ДЕ СЕШЕЛЬ —

ТВОРЕЦ ФРАНЦУЗСКОЙ КОНСТИТУЦИИ 1793 г.

Р.С.Ф.С.Р. Государственное издательство. 1923

^{iv} Дополнительные материалы к главе: **о жирондистах** (http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm), **«Продовольственный вопрос» - подборка документов** (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_prod.pdf), **название и начало войны, события зимы-лета 1792 г. и революция 10 августа** (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_92_2.htm), **«Часовая стрелка Революции подошла к полудню» - дискуссия о суде над Людовиком XVI** (http://vive-liberta.narod.ru/discuss/process_louis_dscss.htm), **«Процесс и казнь Людовика XVI в документах и письмах»** (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_louis1.pdf), **К.Беркова, «Процесс Людовика XVI»** (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/berk_louis_1.htm). См. также материалы **о Л.-М.Ле Пеллетье де Сен-Фаржо** (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#LSF>).

В Собрании тотчас же образовались три партии. «Правую» составляли конституционные монархисты, так называемые «фельяны», по имени клуба, членами которого они были раньше. «Левая» же состояла из двух соперничающих партий: более умеренной — «жирондистов», называемых так, потому что их вожди происходили из департамента Жиронды, и «монтаньяров» или «горы», потому что вожди этой партии сидели на верхних скамьях.

Жирондисты представляли умеренно демократическую партию. Они составляли как бы переходную ступень от средних классов к народу и в сущности были главным образом представителями той части буржуазии, которая была захвачена революционным брожением. Но они все же не были расположены поддерживать революцию какими бы то ни было средствами и стояли за то, чтобы борьба продолжалась на парламентской почве.

Среди жирондистов было много чрезвычайно талантливых ораторов, писателей и политиков, вследствие чего эта партия и выдвинулась в Законодательном Собрании. Главой партии был Бриссо, очень талантливый литератор, вернувшийся из Америки в начале революции. В свое время он немало сделал для подготовки революции и даже сидел в Бастилии, но в сущности он мечтал о такой республике, в которой господство принадлежало бы буржуазной аристократии. Его влияние в партии было так велико, что жирондистов даже называли «бриссотинцами».

Бриссо издавал газету «Французский патриот», и был главным автором петиции, требовавшей низложения короля после его бегства в Варенн. Он находился и во главе манифестации 17 июля 1791 года, отправившейся на Марсово поле, где предполагалось собрать подписи под этой петицией. Манифестация, привлекая громадную толпу народа, закончилась кровавой расправой, организованной парижским муниципалитетом и отрядами Лафайета. Жирондисты и монтаньяры оспаривали друг у друга преобладание в клубе якобинцев, который был назван так, потому что собирался в старом якобинском монастыре. Этот клуб был центром революционного движения. Мало-помалу он покрыл всю Францию сотней своих отделений и оказывал громадное влияние на ход революции, благодаря энергии своих вождей, среди которых первое место принадлежало Робеспьеру.

Другим влиятельным клубом в этот период революции был клуб кордельеров, образовавшийся среди рабочих предместья Сент-Антуан и собиравшийся в бывшем кордельерском монастыре. Выдающимися ораторами в этом клубе были Демулен, Дантон и Марат. Молодой Камилл Демулен прославился уже в самом начале революции как превосходный народный оратор, увлекавший за собой толпу своими огневыми речами. Но эти выдающиеся ораторы не находились в Законодательном Собрании и поэтому крайняя левая не могла там конкурировать с блестящими ораторами Жиронды; но зато вне этого собрания, в народе, она приобретала все большее влияние и силу.

Эро де Сешель попал в Законодательное Собрание. Он был избран депутатом города Парижа и сначала примкнул к членам правой, т.е. конституционалистам, бывшим «фельянам». Тогда он еще не вполне отрешился от своих прежних роялистских взглядов, и когда в Собрании обсуждался вопрос о том, как должен быть обставлен церемониал приема короля, то Эро де Сешель решительно стал на сторону правой, требовавшей, чтобы королю оказывали прежние знаки почтения. Но левые находили такие уступки несогласимыми с достоинством Собрания. Член левой Кутон настаивал на том, чтобы король сидел на таком же кресле, как и президент, между тем как для него приготовили возвышенное кресло, вроде трона. Требование Кутона поддерживали его товарищи и один из них сказал:

— Я надеюсь, что французский народ всегда будет больше уважать простое кресло председателя народных представителей, нежели раззолоченное кресло монарха, — главы исполнительной власти!

Вопрос этот вызвал горячие прения, и Собрание вотировало декрет, постановлявший, что вообще депутаты не обязаны оказывать королю больших почестей нежели председателю. Однако на другой день декрет был отменен, и отчасти благодаря вмешательству Эро де Сешеля, который с большим жаром и красноречием доказывал ненужность такого обострения отношений между королем и собранием.

Однако, отношения между законодательным собранием и королем так и не могли наладиться. С самого начала они стали очень натянутыми. Впрочем, когда король явился в Собрание, то ему оказали хороший прием. Но тем не менее фазу для всех стало ясно, что король, лишь скрепя сердце, согласился на такое ограничение своих державных прав. Он пользовался своим правом «вето» (запрета), не давал согласия на декреты Законодательного Собрания, а двусмысленная политика двора, который тайком вел переговоры с иностранными державами о вмешательстве во французские дела, довершала «остальное». Духовенство и дворянство, бывшие привилегированными сословиями старой Франции, оставались по-прежнему непримиримыми противниками новой Франции. Большинство дворян эмигрировало и добивалось восстановления своих прав и возвращения во Францию при помощи иностранных войск.

С этой целью они интриговали в иностранных государствах, ходатайствовали у иностранных дворов о помощи и защите и, так как иностранные монархи вообще были напуганы французской революцией и жаждали наказать мятежников, осмелившихся посягнуть на священные права монарха, то вполне естественно, что ходатайства и просьбы эмигрантов имели успех. Франции грозило вмешательство иностранных войск, и вполне естественно, что Законодательное Собрание, в свою очередь, сочло нужным принять строгие меры против своих исконных врагов. Были изданы строгие декреты, как против дворян, убежавших за границу из Франции, так и против священников, не желавших принести установленную гражданскую присягу.

Возник серьезный конфликт между королем и Собранием. Король отказался утвердить эти декреты Законодательного Собрания, что разожгло к нему ненависть левых партий, для которых все яснее становилась невозможность примирения новых порядков со старой властью. Всего определеннее это настроение выражалось у якобинцев, которые яростно нападали на своих врагов. В сущности король своим сопротивлением Законодательному Собранию в этом вопросе сам подписывал смертный приговор монархии. В народе его самого и королеву стали называть с этого момента «господином и госпожею Вето».

Пылкий Эро де Сешель скоро понял свою ошибку. Раньше он был членом клуба фельянов и в Законодательном Собрании занял место среди них. Но убедившись, что идти с ними руку об руку он не может, он не задумываясь вышел из конституционной партии и перешел к жирондистам. Но и с ними он оставался недолго и вступил в ряды якобинцев, темперамент и взгляды которых казались ему более обеспечивающими успех революции. Эта быстрая изменчивость многими ставилась ему в вину. Но надо принимать во внимание, что во времена великих переворотов часто нет возможности свободно и обдуманно выбирать ту или иную партию. Большинство увлекается бурным революционным потоком, непроизвольно подчиняясь силе и мощи какой-нибудь партии и неожиданные события заставляют многих совершать подчас совершенно неестественные их характеру поступки. Эро де Сешель с полным правом мог отвечать на делаемые ему упреки, что сам он никогда не менялся, а менялись только обстоятельства, и он лишь подчинялся им. Во всяком случае, вступив на революционную плоскость в момент взятия Бастилии, он уже не мог остановиться на полпути, и поэтому, когда он ушел от жирондистов, находя их слишком умеренными и нерешительными в такую минуту, когда события развивались с головокружительной быстротой, он вполне искренно воскликнул:

— Все, что имеет целью спасение государства, — справедливо!.. Бывают случаи, когда надо накинуть покрывало на статую свободы!

Однако вначале, когда Эро де Сешель еще находился в их рядах, жирондисты выказывали большой воинственный пыл. Впрочем и вся Франция находилась тогда в таком же настроении и символом этого явился красный фригийский колпак, сменивший трехцветную кокарду. Подозрения против короля и его министров, которых обвиняли в сношениях с иностранными дворами, все усиливались. Ораторы Законодательного Собрания прямо указывали на дворец, как на гнездо контр-революции, где подготавливается интрига, которая продает Францию Австрии.

— Страх и ужас часто исходили из дворца в прежние времена! — воскликнул жирондист Верньо. — Они действовали во имя деспотизма. Пусть же теперь страх и ужас войдут туда во имя закона и проникнут в душу обитателей дворца, которые должны знать, что конституция делает неприкосновенным только одного короля! Но закон все-таки должен поразить виновных без всякого различия, и нет такой преступной головы, к которой не мог бы прикоснуться меч правосудия!

Это был вполне ясный намек, который понял и Людовик XVI уволивший своих прежних министров и образовавший новое министерство из кандидатов, указанных жирондистами. Жирондисты, Однако, решили между собой не допускать в министерство ни одного из приверженцев Робеспьера, опасаясь его влияния, которое все расширялось и возрастало в народе, где он был уже известен под именем «неподкупного». Бриссо со своими друзьями, высказался и против Дантона, которого тоже называли в числе кандидатов в министры. Зато одним из первых принят был генерал Дюмурье, получивший портфель министра иностранных дел. Дюмурье был по натуре настоящий авантюрист, человек вполне беспринципный, менявший роль сообразно с обстоятельствами и совершенно спокойно могущий служить как революционерам, так и контр-революционерам. Он был уже не молод и раньше помогал Генуэзской республике подавить восстание в Корсике, которая ей принадлежала, исполнял также секретные поручения Людовика XV в Швеции, а когда произошла революция, то стал подлаживаться к Мирабо, а затем и к жирондистам. В последнее же время он в особенности заискивал у якобинцев и у Дантона, стараясь снискать его благоволение.

Все внимание Франции и Законодательного Собрания было обращено в то время на иностранную политику. Новое министерство, бывшее довольно однородным вследствие преобладания в нем жирондистских взглядов, высказывалось за войну, которая, впрочем, была неизбежна, так как иностранные государи, в особенности король венгерский и богемский Франц II,

повидимому, очень желали расправиться с французскими революционерами, мешавшими им спокойно спать. Пруссия и Австрия заключили между собой формальный договор относительно количества войска, которое они должны были выставить, чтобы вернуть французскому королю его прежнюю самодержавную власть. Таким образом, и король и его двор тоже были за войну, так как ожидали от нее возвращения к старому порядку.

Война была объявлена, но первые ее шаги были неудачны для Франции. Начались взаимные обвинения и подозрения в измене. Враги революции действительно не скрывали своей радости, ожидая скорого осуществления всех своих надежд. Не без некоторого основания двор называли «австрийским комитетом» и приписывали ему желание призвать австрийцев во Францию. Король же своим поведением только поддерживал эти подозрения и усиливал всеобщее недоверие к себе. Его отношения с министерством жирондистов окончательно испортились, в особенности после письма министра внутренних дел Ролана королю. Министр напоминал королю о его конституционных обязанностях и высказывал ему те истины, которые редко высказываются королям в глаза. Но это письмо только еще сильнее восстановило Людовика XVI против жирондистов, с которыми он решил порвать окончательно. Короля поддерживал в этом направлении Дюмурье, тоже покинувший свою партию и интриговавший против своих бывших коллег. Результатом явилась отставка всего министерства. Король не оставил даже Дюмурье, который, однако, сильно рассчитывал на получение портфеля военного министра. Разочарованный и недовольный королем, он уехал в армию.

Король выбрал новых министров из партии фельянов, но все это были люди без влияния. Конечно, они не могли противодействовать агитации левых партий, в особенности якобинцев, влияние которых возрастало с каждым днем. Очень скоро якобинцы стали уже во главе народного движения.

Париж волновался очень сильно. В предместьях шла усиленная агитация. Там готовилась демонстрация, в роде той, которая не удалась на Марсовом поле. Предполагалось устроить ее 20 июня, в годовщину знаменитой присяги в зале для игры в мяч. Этот достопамятный день в истории Франции намеревались отпраздновать торжественным образом и, между прочим, посадить дерево в честь свободы. С этою целью огромная, вооруженная толпа вышла в этот день из предместий и направилась к Законодательному Собранию.

В демонстрации участвовало много женщин и детей, и во главе находился импровизированный оркестр. Вооружение толпы было самое разнообразное. Конечно, на знаменах, которые несла толпа, виднелись различные надписи, подходящие к переживаемому моменту. Между прочим на длинной палке красовались прорванные брюки и над ними надпись: «Да здравствуют санкюлоты»... Шествие замыкал человек, который нес на пике бычачье сердце с надписью: «Сердце аристократов!»

Толпа, явившись к барьеру Собрания, требовала, чтобы ее пустили туда. Она хотела подать петицию и пройти через зал заседаний. Возник спор, так как депутаты правой сначала ни за что не соглашались на это. Но трудно было противиться возбужденной толпе, и в конце концов пришлось уступить.

Шествие через зал заседаний продолжалось три часа и сопровождалось пением известной революционной песенки: «это пойдет!» (?a ira), которая была спета в первый раз на Марсовом поле, в первую годовщину взятия Бастилии. Она состоит из ряда четверостиший, отражающих в себе весь ход революции. Сначала очень веселые и насмешливые куплеты этой песни потом принимают грозный характер и приглашают вешать аристократов на фонарях.

Двинувшись дальше, толпа подошла к Тюльерийскому дворцу и, проникнув туда, принялась топорами ломать двери. Но король приказал отпереть их. Он выказал в этот день большое мужество и не спрятался от толпы, а стоял в амбразуре окна, охраняемый несколькими гренадерами.

Когда народ ворвался в зал, то для короля поставили стул на стол и он сел на него, для того чтобы все могли его видеть. Ему протянули на пике красный колпак и потребовали, чтобы он надел его, и он это исполнил. Но на требование утвердить декреты Законодательного Собрания на счет священников и эмигрантов, он ответил отказом, заявив твердым голосом:

— Не время и не место требовать от меня это!

Тут сказались все добродушие народа, который, несмотря на отказ короля исполнить требование, мирно разошелся после того как мэр Парижа обратился к толпе с увещанием. Никто не выказал ни малейшего сопротивления. Повидимому, толпа была довольна, что король надел на себя красный колпак и выпил вина прямо из бутылки, поданной ему каким то рабочим, когда он попросил пить. Но это были единственные результаты, которых добился народ от короля в этот день.

Однако, волнение не улеглось, и достаточно было искры, чтобы снова вспыхнуло возмущение. Такой искрой был манифест герцога Брауншвейгского, главнокомандующего австро-прусской армией, грозившего строго наказать французов за их неповиновение законному королю. Наступление пруссаков придало смелость двору, который нисколько не скрывал своего злорадства. Тогда Законодательное Собрание объявило «отечество в опасности».

Празднование второй годовщины взятия Бастилии произошло уже при совершенно иных обстоятельствах. Настроение было другое, и король был холодно встречен народом, хотя и произнес при этом свою клятву соблюдать конституцию. Говорили, что он надел на себя панцырь, отправляясь на Марсово поле, так как боялся враждебных выходов со стороны толпы.

Рядом с алтарем отечества было воздвигнуто символическое дерево, увешанное разными предметами, имевшими отношение к феодализму. Королю было предложено самому зажечь это дерево, но он от этого предложения уклонился, сказав, что «Феодализм больше не существует!» После этого он покинул Марсово поле, и национальная гвардия проводила его во дворец.

Для всех было ясно, что отношения между королем, Законодательным Собранием и народом испортились окончательно, и что борьба неизбежна. При дворе тоже понимали это и принимали меры для защиты Тюльери, что только усиливало тревогу населения. Настроение национальной гвардии, вначале не сочувствовавшей республиканским идеям, тоже начало изменяться под влиянием опасений иностранного нашествия. Секции, на которые был разделен Париж, раньше мало принимавшие участие в политических событиях, тоже начали волноваться и вскоре стали выступать самостоятельно. Революционное настроение в секциях заметно усиливалось, и уже раздавались речи, что верховная власть должна принадлежать народу, что никакого короля не нужно и что следует совершить новый поход на Тюльерийский дворец.

В Париже к этому времени собрались двадцать тысяч федератов, представителей 83 департаментов, приглашенных секциями на празднество 14 июля, вопреки желанию короля, который не дал на это разрешения. Федераты оказались ярыми революционерами и, находясь под влиянием якобинцев и кордельеров, первые заговорили о низложении короля.

Буржуазия в это время была на стороне народа, не желая быть за одно со двором, который подозревали в измене отечеству, национальная же гвардия сочувствовала федератам.

Вследствие объявления отечества «в опасности» собрания секций стали непрерывными, и в этих собраниях был решен вопрос о низвержении Людовика XVI. Восстание в Париже стало неизбежным, и его можно было ждать каждую минуту.

9 августа в Законодательном Собрании началось обсуждение вопроса о низложении Людовика XVI, что вызвало очень бурные споры, но ни к какому решению оно не могло прийти, хотя знало о крайнем возбуждении народа. Одна из секций послала сказать собранию, что если король не будет смещен к полуночи, то в Париже зазвучит набат. Таково было постановление всех секций, кроме одной, не присоединившейся к этому решению.

Действительно, в полночь жители Парижа услышали набат и на улицах раздался барабанный бой. Это восстали предместья и двинулись к центру города. В то же время и в городской ратуше произошел революционный переворот, прежний муниципалитет и вместо него делегаты секций образовали новый городской совет — «коммуну», состоявшую из ярых революционеров. Таким образом судьба монархии была решена.

Восставшие двинулись к Тюльерийскому дворцу. Там усиленно готовились к обороне, но национальная гвардия оказалась ненадежной, и лишь наемный швейцарский отряд оказал стойкое сопротивление нападавшим.

Во дворце господствовало большое смятение и король скоро сам убедился, что дело его проиграно. Ему посоветовали отдать себя под защиту Законодательного Собрания, что он и исполнил. Двести швейцарцев и триста национальных гвардейцев проводили его туда, вместе с его семейством.

А во дворце в это время происходил кровавый бой между защитниками дворца, швейцарцами, и народом. Главная лестница дворца была взята штурмом и бой продолжался в коридорах и залах.

Явившись в Законодательное Собрание, Людовик XVI обратился к нему с следующими словами:

— Я пришел, чтобы предупредить великое преступление, и думаю, что нигде не могу пользоваться такой безопасностью, как среди вас.

Председатель Собрания Верньо на это ответил ему довольно уклончиво:

— Национальное Собрание поклялось отстаивать права народа и установленные власти. Вы можете положиться на его твердость.

Король занял место рядом с председателем, но один из членов Собрания заявил, что согласно конституции Законодательное Собрание не может совещаться в присутствии короля, поэтому король со своей семьей должен был перейти в ложу секретаря (логографа), записывающего прения. Это место находилось позади председателя, но оттуда все можно было видеть и слышать. Таким образом король сам присутствовал при том, как обсуждался вопрос об его отрешении от престола. В собрание являлись депутации одна за другой и все требовали его низложения. Но собрание все-таки не решилось само отстранить короля и предложило создать национальный конвент, затем уволить в отставку министров и приостановить деятельность королевской власти.

Людовик XVI слышал все эти переговоры. Слышала их и Мария-Антуанетта, сохранявшая при этом свой прежний гордый и надменный вид, в противоположность королю, который в это время с большим аппетитом ел поданную ему курицу, — он был голоден и попросил есть!

Собрание назначило местом жительства королевской семьи Люксембург, но по требованию нового городского совета — коммуны, который стал всевластным в Париже, Людовик XVI и его семья были переведены в Тампль (старинный замок, принадлежавший некогда духовно-рыцарскому ордену тамплиеров или храмовников). Там король и его семья должны были находиться под охраной общинного совета или коммуны.

Для решения вопроса о будущем устройстве Франции постановлено было созвать чрезвычайное собрание, но в сущности судьба монархии была уже решена 10 августа, в день народного восстания. Жирондистские министры, уволенные королем в отставку, были вновь назначены, но кроме того пост министра юстиции занял Дантон, который скоро сделался настоящим господином положения, так как опирался на революционные народные массы.

Из всех деятелей революции Эро де Сешель особенно ценил Дантона, и Дантон несомненно имел на него большое влияние. Они были почти ровесники по годам и обладали одинаковыми вкусами: оба любили веселую, разгульную жизнь. Но Дантон обладал гораздо более сильным характером, поэтому он и подчинил Эро де Сешеля своему влиянию. Эро де Сешель сильно революционировался и окончательно порвал с конституционалистами. Он председательствовал в Законодательном Собрании, когда там был сделан доклад об избиении в тюрьмах (Сентябрьские убийства) и назначил комиссаров, которые должны были постараться успокоить народ, взволнованный слухами о приближении пруссаков. Комиссары должны были прекратить кровавую расправу с теми, кого толпа считала врагами революции. Вообще Эро де Сешель старался всегда соблюдать законность и поэтому даже в самый разгар анархии, он все-таки продолжал разбирать дела в Собрании. Он увлекался революцией, но злые языки говорили, будто он хочет обмануть самого себя громкими фразами. Одной депутации граждан, явившейся к нему, он объявил, что «Франция станет центром свободного мира и гробницей всех престолов!» Несомненно он сам верил этому тогда.

Однако, он все же чувствовал некоторое утомление и ощущал потребность отдохнуть от всех революционных ужасов. В минуты откровенности он сам говорил, что издали революция кажется ему красивее! Поэтому он и постарался устроить так, чтобы его госпали с поручением от Конвента вместе с другими тремя депутатами в Савою, а в это время состоялся суд над Людовиком XVI.

Но Эро де Сешель разумеется не уклонился от подачи своего голоса и вместе со своими товарищами сделал это в следующем письме, адресованном Конвенту:
«Шамбери, 13 января 1793 года.

Мы узнали из газет, что Национальный Конвент должен завтра произнести свой приговор над Людовиком Капетом. Не имея возможности принять участие в ваших прениях, но ознакомившись с делом по печатным документам и давно уже зная о постоянных приемах «короля-клятвопреступника», мы полагаем, что наша обязанность, как и каждого из депутатов, открыто высказать свое мнение в этом деле. Мы считали бы низостью с нашей стороны, если бы, пользуясь своим отсутствием, мы бы уклонились от этого обязательства. Поэтому мы заявляем, что высказываемся за осуждение Людовика Капета национальным конвентом и притом без права апелляции к народу.

Мы высказываем это наше мнение с полным убеждением в его справедливости, вдали от всякой агитации и видя перед собой только истину, без всяких прикрас, — тем более, что здесь мы находимся в соседстве с Пьемонтским тиранном».

Нельзя не обратить внимания, что в этом письме, автором которого был Эро де Сешель, старательно избегалось слово «казнь». Действительно, такая крайняя мера была не в характере Сешеля. Скорее его можно даже считать противником казней, несмотря на всю его революционность, вот почему он и не решался высказаться определенно, такая нерешительность была ему поставлена в вину впоследствии в клубе якобинцев, где стали подозревать чистоту его революционных убеждений. Это был первый толчок, который привел его к гибели.

ГЛАВА IV

Адель Бельгард. — Отступление неприятеля. — Слова Гете. — Знакомство Адель Бельгард с Эро де Сешелем. — Жирондисты и якобинцы. — Комиссия двенадцати. — Спор разгорается. — Арест жирондистов. — Выработка новой конституции. — Проект Эро де Сешеля. — Всеобщее ополчение. — Торжество Эро де Сешеля. — Вражда Робеспьера.^v

В мае 1793 года Эро де Сешель вернулся в Париж. Но он уже был не один. Он привез с собою молодую женщину замечательной красоты, муж которой находился в Пьемонтской армии. Это была графиня Адель де Бельгард.

Художник Давид, восхищенный ее красотой, обессмертил ее в своей знаменитой картине «Похищение сабинянок». Он изобразил ее коленопреклоненной в кругу римских воинов.

Адель Бельгард последовала сначала за своим мужем в Пьемонт, но потом вернулась в Шамбери, чтобы избежать конфискации своих владений. Ее муж, страстно в нее влюбленный, был в отчаянии от этой разлуки. Но связанный ложно понимаемым чувством долга, он не хотел покидать армии, хотя армия действовала против его родины. Он надеялся только на то, что война не продлится долго, что: революция во Франции будет скоро подавлена, и он тогда вернется к своей жене в Савойю, откуда революционеры будут окончательно изгнаны. Но его надежды были обмануты! Союзные войска обоих государств, выступавших против революционной Франции, оказались недостаточно сильными, между тем как французских революционных отрядов значительно окреп. Австрийцы отступили, и кампания была проиграна. Измученные, упавшие духом прусские и австрийские солдаты вынуждены были отступать по очень плохим дорогам и трудным проходам, и Париж был спасен от вторжения неприятеля, которому пришлось даже совсем убраться из Франции. С этого момента вся работа немецких государств была уже направлена лишь на то, чтобы защищать свои собственные границы от распространения революции.

Битва при Вальми решила дело, и там солдаты республиканской Франции получили боевое крещение, а пруссакам и австрийцам, потерпевшим поражение в своих попытках восстановления французской монархии, оставалось лишь утешаться словами, сказанными Гете после этой битвы:

— Здесь начинается новая эпоха всемирной истории и вы можете сказать себе, что присутствовали при этом важном акте!

Однако, не одни только эти военные неудачи разрушили все надежды графа Бельгарда. В это вмешалась любовь. В Шамбери его жена, отправившаяся из любопытства на одно революционное собрание, познакомилась там с Эро де Сешелем. Она уже раньше была заинтересована им, так как слышала восторженные отзывы о его красоте и красноречии и домой вернулась совершенно очарованная молодым оратором. Личное знакомство с ним завершило остальное.

Эро де Сешель оставался светским человеком, несмотря на свои революционные взгляды. Красота графини произвела на него сильное впечатление и молодые люди сблизилась. Знакомства с Эро де Сешелем было вполне достаточно, чтобы превратить светскую, легкомысленную женщину в ярую революционерку. Жители Шамбери с удивлением видели, что гордая красавица графиня Бельгард начинает появляться на всех народных республиканских празднествах, повязанная трехцветным шарфом, с республиканской кокардой, в деревянных башмаках и в красном колпаке. Но разгадка такого превращения аристократки-роялистки в республиканку явилась сама собой, когда молодая графиня уехал» - в Париж, вместе с Эро де Сешелем.

Борьба между жирондистами и якобинцами разгоралась все сильнее и приняла ожесточенный характер, когда вернувшийся в Париж Эро де Сешель вступил в Конвент, где он тотчас же занял место возле Дантона, в котором чуял родную душу. Дантон отказался от звания министра, чтобы попасть в Конвент, так как понимал, что будущее правительство будет иметь своим центром Конвент состоявший почти исключительно только из республиканцев. Правую Конвента образовали жирондисты. Все выдающиеся вожди этой партии попали в Конвент. Левую

^v Дополнительные материалы к главе: **об Адель де Бельгард** (<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69545368.htm>), **А.Гордон, «Классовая борьба и конституция 24 июня 1793 г.»** (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon5.pdf>), **КОНСТИТУЦИЯ 1793 года: альтернативные проекты и прения** (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm#constitution93), **А.Гордон, «Падение жирондистов»** (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gord_girond.htm), **фрагменты книги Г.Кунова «Борьба классов и партий в Великой французской революции», А.Нарочницкий, «Вопросы войны и мира во внешней политике якобинской республики летом 1793 г.»** (http://vive-liberta.narod.ru/journal/naroch_dip_2.pdf), **«Робеспьеровский Комитет общественного спасения и нейтральные страны с осени 1793 г. до раскола среди якобинцев»** (http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#dipl_csp), **«Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г.»** (http://vive-liberta.narod.ru/journal/naroch_diplm_jc.pdf).

составляли якобинцы или партия горы. Как те, так и другие были республиканцами, и те и другие хотели устройства демократической республики, но жирондисты были поклонниками личной (индивидуальной) свободы и ограничения власти государства. Они хотели, чтобы господство принадлежало умственной и имущественной аристократии, тогда как якобинцы добивались свободы и равенства для всего народа и притом были неразборчивы в средствах, что весьма понятно в виду критического положения, в котором находилась Франция в тот момент и необходимости защищать завоевания революции. Конечно, и якобинцы, и жирондисты имели в виду счастье народа, но они разное понимали его и разными путями хотели его достигнуть. Но жирондисты не доверяли народной массе, тогда как якобинцы опирались на нее. Они вступили в союз с парижским населением, поэтому и пользовались большою популярностью в народе, который готов был яростно ненавидеть всех, кого считал врагами.

Впрочем, главным вопросом, разделявшим якобинцев и жирондистов, был вопрос о значении Парижа. Якобинцы стремились к централизации власти и проповедывали «единую, нераздельную республику». Население Парижа было, в их глазах, естественным представителем всех департаментов Франции, против чего именно и восставали жирондисты, защищавшие местную самостоятельность и поэтому имевшие своих главных приверженцев в провинции, тогда как якобинцы опирались преимущественно на парижское население. Коммуна была на их стороне, также как и почти все парижские секции.

Но главное, жирондистам не доставало той внутренней сплоченности и дисциплины, какая существовала у их противников якобинцев, поэтому последние и должны были получить перевес в завязавшейся борьбе.

Суд над королем был также поводом к разладу между этими двумя партиями, хотя обе высказались за предание короля суду. Якобинцы предполагали посредством суда над Людовиком XVI и даже казни, нанести последний удар королевской власти. Робеспьер прямо заявил, что «Людовик XVI должен умереть, дабы жила республика!». Такое откровенное заявление напугало умеренных жирондистов, считавших смертную казнь слишком крайней мерой, однако, у них все таки не хватило решимости энергично протестовать против нее. Все якобинцы подали голоса за казнь, и народ, наполнявший трибуны конвента тоже требовал ее, поэтому неудивительно, что один из жирондистов признался потом, что «надо было иметь больше мужества для произнесения оправдательного приговора, нежели обвинительного». Вообще, нерешительность и, постоянные колебания, которые обнаруживали жирондисты, а также отсутствие у них единодушия и энергии в важных вопросах, погубили их. Поведение их во многих случаях об'яснялось их противниками, как измена. Прежние отношения жирондистов к генералу Дюмурье тоже повредили им и дали повод якобинцам говорить об его измене, как о преступлении целой партии.

Но с самого начала в Конвенте господствовали жирондисты, и решения принимались единогласно. Однако, это продолжалось недолго. Посыпались взаимные обвинения. Якобинцы нападали на жирондистов, а жирондисты обвиняли Робеспьера в стремлении к диктатуре. В спор вмешалась коммуна, ставшая на сторону «Горы», а также рабочее население Парижа, терпевшее страшную нужду вследствие падения курса бумажных денег и повышения цен на все предметы первой необходимости. Парижские секции посылали в Конвент депутации с требованием принятия строгих мер против ростовщиков и скупщиков и обложения более высокими налогами крупных имуществ. Заседания конвента проходили в непрерывных пререканиях и спорах и жирондисты, бывшие тогда господствующей партией, никаких мер не принимали. А между тем внешнее положение Франции вновь стало опасным. Европейская коалиция, возмущенная и напуганная казнью короля, опять перешла в наступление. Внутри страны также происходили волнения, а в Вандее даже вспыхнуло настоящее восстание. Нужны были незаурядная энергия и твердость, чтобы совладать со всеми этими внутренними и внешними затруднениями. Но именно этого и не хватало жирондистам, политическая карьера которых кончилась, и началась диктатура якобинцев, поддерживаемых рабочими и коммуной.

И Эро де Сешель в Конвенте держал сторону якобинцев. Нерешительность и какая-то половинчатость жирондистов не соответствовали его пылкому нраву, его стремительности. Он неоднократно высказывал возмущение их неопределенной политикой, когда был избран председателем Конвента. Жирондисты боялись анархии, которая могла наступить, если не будут сдерживаемы городской совет и секции, и в то же время опасались контр-революции, если народ будет слишком подавлен. Эта боязнь мешала им действовать решительно, и они искали средства соблюсти равновесие между двумя крайними сторонами. Одной из полумер, к которым они любили прибегать, было назначение чрезвычайной комиссии из двенадцати членов, обязанной исследовать действия городской думы и розыскивать виновных в заговорах против народного представительства. Собственно жирондисты имели в виду разоблачить таким путем кампанию, которая велась против них в народе, но как раз это и погубило их. В комиссию попали исключительно только враги якобинцев и коммуны и поэтому неудивительно, что она возбудила против себя сильнейшее негодование среди сторонников обоих. Отмена комиссии сделалась

сделалась злобой дня, и в Конвент стали являться делегации от парижского отделения с требованиями ее низложения. Одной из таких делегаций, Эро де Сешель отвечал:

— Сила разума и сила народа представляют одно и то же! Вы требуете от нас суда и справедливости и будьте уверены, что народные представители не откажут вам в этом.

Комиссия двенадцати воспротивилась тем, что арестовала несколько человек из самых решительных революционеров, обвиняя их в агитации и заговоре против членов Конвента. Между прочим был арестован Эбер, редактор революционной газеты «Отец Дюшен». Это было последней каплей. Коммуна, Якобинский клуб и революционные комитеты Парижа вошли между собой в соглашение и стали требовать исключения из Конвента 34-х жирондистов и отдачи под суд двенадцати членов комиссии. Делегации с этими требованиями являлись в Конвент одна за другой. Первой из них отвечал Изнар, занимавший тогда председательское кресло. Он сказал им, что «Франция не потерпит нарушения прав национальных представителей» и от имени всей Франции объявил, что «скорее будет уничтожен Париж!»

— Да! — воскликнул он. — Вся Франция отомстит за такое покушение, и тогда будут искать, на котором берегу Сены находился Париж!

Конечно, такие неосторожные слова вызвали страшный шум в Собрании и взрыв негодования левой.

— А я объявляю вам, — вскричал Дантон, — что мы не можем долее терпеть подобную наглость! Мы будем вам сопротивляться до последней крайности! Нет и не может быть примирения между «Горой» и трусами, желавшими спасти деспота!

В последних словах заключался уже намек на нерешительное поведение жирондистов во время суда над королем. Само собой разумеется, что это вызвало сильнейшее волнение в Собрании. Изнар должен был уступить председательское место Эро де Сешелю, и одно это уже знаменовало победу якобинцев. Жирондисты приуныли, и некоторые из членов этой партии удалились из Собрания. Делегации прибывали, но им уже отвечал другой председатель.

Волнение несколько улеглось, когда комиссия двенадцати была отменена, но жирондисты, оправившись от своей растерянности накануне, явились на другой день в собрание и добились ее восстановления. Это вызвало уже настоящее восстание парижских секций, заставивших Конвент уничтожить комиссию двенадцати. Заседание, в котором это произошло, открылось уже при звуках набата, призывавшего парижское население к восстанию, и хотя оно, — по словам одного депутата, — было только «нравственным», но Анрио, начальник вооруженных сил парижских секций, распорядился выстрелить из пушки в знак тревоги, и народные массы двинулись к Конвенту, который был тотчас же окружен ими.

При таких условиях началось обсуждение вопроса об освобождении из под ареста Эбера и других, арестованных комиссией, а также вопрос об отмене самой комиссии, который и был поставлен на голосование. Жирондисты, на которых со всех сторон сыпались обвинения и упреки и против которых Робеспьер сказал громовую речь, слабо защищали свое детище — комиссию, и вопрос об ее отмене был решен в утвердительном смысле. Эбер был освобожден, и народ, окружавший Конвент, приветствовал его криками радости. Ему надели на голову венки и отнесли на руках в клуб кордельеров.

Однако, эта победа не удовлетворила врагов жирондистов. Всю ночь звонили в набат, и народ собирался. Утром 2 июня Конвент снова был окружен народными толпами, во главе которых находился Анрио. Большая часть депутатов, подвергшихся нападкам накануне, однако, сочли благоразумнее не являться в этот день в Собрание. Но другие, более смелые, решили выдержать бурю до конца.

Эро де Сешель, председательствовавший в Конвенте, вышел вместе с другими членами на площадь и обратился к Анрио:

— Чего хочет народ? Ведь Конвент заботится только об его счастье — сказал он.

— Эро, — возразил Анрио, — народ собрался здесь не для того, чтобы слушать красивые фразы. Он требует выдачи виновных!

И прежде чем председатель мог ответить ему, он командовал повернуть жерла пушек на Конвент. Этим кончились все колебания, и Конвент решил пожертвовать депутатами, вызвавшими негодование населения и подвергнуть их домашнему аресту, отдав под защиту народа Волнение тотчас же улеглось, и народ стал расходиться.

Партия жирондистов бесповоротно пала. Среди них были замечательно талантливые люди, проникнутые возвышенными идеями, но беда их заключалась в том, что они хотели остановить революцию на полпути, не желая допустить к правительственной власти низшие классы, которым не доверяли и невежества которых опасались. В сущности они были представителями буржуазии в Республике, и революция в своем поступательном движении неизбежно должна была их смести. Война, которая происходила кругом, восстания в провинциях, усиление роялистского движения — все это побуждало нацию защищаться до последней крайности, и народу не было дела до того, какие лица стоят у власти. Ему нужно было сильное правительство, как орудие защиты страны и сохранения всех завоеваний революции. С падением

жирондистов власть якобинцев в Конвенте окрепла, и там воцарилось полное единодушие. Крайние меры, предлагаемые якобинцами, уже не встречали ни в ком противодействия.

Эро де Сешель действовал заодно с ними, увлекая за собой колеблющихся своим пламенным красноречием. Время было действительно тяжелое. Окруженное со всех сторон врагами, борясь с восставшими департаментами и с наступлением неприятельских войск на Францию, якобинское правительство волей неволей вынуждено было прибегать к мерам устрашения, чтобы удержать власть в своих руках, и таким образом во Франции наступило мрачное время террора.

Жирондистские депутаты, находившиеся под домашним арестом, вначале не терпели никаких притеснений. Но некоторые из них бежали и приткнули к восставшим провинциям, что сильно ухудшило положение их товарищей, оставшихся в Париже, где усилилась деятельность революционного трибунала. Бежавшие же жирондисты были объявлены вне закона.

Незадолго до своего падения жирондисты выработали проект конституции, которая однако не успела увидеть света. Автором этого проекта был Кондорсе. Но якобинцы были недовольны этим проектом, и выработка нового проекта конституции была поручена Эро де Сешелю, как опытному и искусному юристу. Эта задача не только льстила его самолюбию, но и отвечала всем его стремлениям. Как талантливый человек, он, конечно, мог с нею справиться. Считая это дело очень ответственным, он мечтал посвятить свою жизнь этой громадной работе, но его просили поторопиться. Его четверем товарищам, которые должны были помогать ему в этой работе, было сказано, чтобы они не тратили попусту времени на разговоры. Им была дана неделя на составление проекта, который надо было представить в Комитет общественного спасения, а затем и в Конвент.

Действительно, медлить было нельзя. Провинции были охвачены восстанием, которым предводительствовали священники и дворяне, защищавшие короля и церковь. Дантон, не стеснявшийся говорить правду, объявил напрямик, что конституция должна в данный момент сыграть лишь роль батареи, направленной на врагов свободы, для того, чтобы их уничтожить! В действительности же было решено не вводить ее, пока не будут устранены все врат республики, угрожающие ее существованию.

Сотрудниками Эро де Сешеля по выработке этого проекта были два совершенно неизвестных адвоката: Матье и Рамель и друзья Робеспьера, Кутон и Сен-Жюст. У Кутона были парализованы ноги, и его привозили в кресле на заседания.

Разумеется, всю работу по составлению проекта делал Эро де Сешель, как наиболее опытный и талантливый из всех, повидимому он и должен считаться истинным творцом конституции 1793 года. Раньше он уже составил по поручению Конвента декларацию прав человека, поэтому и теперь Конвент всецело полагался на его талантливость и ум. Черновики, написанные рукой Эро де Сешеля, сохраняются теперь во французском национальном архиве в числе самых драгоценных документов.

Новая конституция была составлена в чисто демократическом духе. Прежнее учредительное собрание считалось собранием аристократов, так как оно установило избирательный закон не на основании полного равенства, а обставило пользование политическими правами известными условиями назначение депутатов и должностных лиц не было предоставлено непосредственно народу, и вообще жирондистская конституция ограничивала верховную власть нации и закрывала доступ к высшим должностям для большинства французских граждан. Организация же законодательной власти была основана не на одной только численности Населения, а введен был также имущественный ценз.

Совсем иначе это было установлено новой конституцией, признавая, что каждый француз, достигнув 21 года, становится гражданином государства, конституция наделяла его всеми политическими правами, без ограничения и таким образом учреждала народное правление в полном смысле этого слова. Она не только признавала народ источником всякой власти, но возлагала на него действительное отправление этой власти. В состав первичных Народных собраний должны были входить все граждане, и для этого предполагалось разделить всю страну на округа по 50000 человек в каждом. Эти первичные собрания должны были созываться ежегодно первого мая. Они должны были избирать путем Прямых выборов депутатов в Национальное Собрание, которое являлось уже высшим учреждением страны и комитеты которого заведывали всеми делами республики. Решения Национального собрания вступали в незаконную силу по истечении известного триода времени, если против них не высказывалось большинство первичных собраний. Таким образом право «вето» (запрета), которое принадлежало Людовику XVI, было вручено конституцией самому народу. Исполнительная власть должна была находиться в руках исполнительного совета, состоявшего из 24 членов, избираемых первичными собраниями путем косвенных выборов. Список кандидатов составлялся первичными собраниями и предоставлялся на рассмотрение Национальному Собранию, которое имело право вычеркивать из него всех, кого находило нужным, пока не оставалось только двадцать четыре имен!»!

К проекту было предпослано введение, в котором говорилось также о «праве на труд», о всеобщем обучении и об общественной помощи, составляющей священный долг. Общество обязано поддерживать безработных граждан посредством доставления им работы, а неспособных к труду путем обеспечения средств к существованию. Образование есть общая потребность, и нация обязана всею своею властью сделать его доступным для каждого гражданина и тем содействовать успехам развития народного разума.

Слабым пунктом конституции было то, что она не касалась важного вопроса об организации труда и о том как обеспечить существование граждан, нуждающихся в заработке или не могущих работать. Вообще, Робеспьер и его партия разрешали этот вопрос довольно просто, считая, что долг богатых помогать бедным и только.

Однако, народ, которому эта конституция предоставляла такие большие права, очень был доволен проектом Эро де Сешеля. За новую конституцию было подано в департаментах 1 801 914 голосов, а против нее только 11 610. Во время последующих восстаний рабочие прежде всего требовали «хлеба и введения конституции 1793 года», которая, к слову сказать, так и не была введена по причине всеобщей войны и суровой диктатуры, необходимой, чтобы справиться со всеми опасностями, грозившими республике, как извне, так и внутри.

Весьма важным условием было то, что народ мог в каждый момент потребовать пересмотра конституции. Для этого было нужно только, чтобы десятая часть первичных собраний в половине общего числа департаментов, с прибавкой еще одного, высказалась бы за пересмотр. Что же касается системы администрации, то конституция допускала полную децентрализацию, т. е. местное самоуправление.

В заключение конституция заявляла: «Франция должна быть союзницей всех свободных народов и должна давать убежище всем изгнанникам, пострадавшим за убеждения. Но ни один «тиран» не сможет пользоваться свободой убежища во Франции, и Франция не заключит мира с неприятелем, занимающим ее территорию!»

Проект конституции, выработанный Эро де Сешелем, встретил всеобщее одобрение в Конвенте. Его поздравляли с тем, что он так искусно справился со своей трудной задачей и притом в такой короткий срок. Его проект назвали «Евангелием человечества», заявляя, что он должен будет служить «незыблемой основой порядка и краеугольным камнем республики».

Казалось революция должна была осуществить все самые заветные мечты и желания Эро де Сешеля. В самый разгар революционной бури волны народного движения вознесли его на значительную высоту. Его выбрали председателем Национального Конвента и одним из главных членов Комитета общественного спасения, а то, что ему было поручено подарить Франции демократическую конституцию, конечно, служило высшим доказательством доверия к его талантам и знаниям.

Во всяком случае Эро де Сешель выполнил к общему удовольствию возложенное на него поручение, и не его вина, что «детище» его — конституция — так и не увидела свет и никогда не вступала в силу. Уже во время ее обсуждения в конвенте всем было ясно, что о введении ее в стране нечего было и думать при существующих условиях. Якобинскому правительству надо было раньше подавить восстания в провинциях, покончить всякие междуусобные войны, справиться с враждебными партиями, загладить неудачи своей армии и отразить нападение целой Европы. Только такие смелые люди, какими были якобинцы, никогда не стеснявшиеся в средствах к достижению цели, могли не растеряться и не упасть духом ввиду такого множества затруднений и критического положения, в котором находилась страна! Правда, меры, к которым прибегал Конвент, были ужасны, но и время было ужасное. Кровь лилась рекой. Однако Конвенту все же удалось подавить восстания и сразить все партии, враждебные революционной диктатуре, отправив на гильотину всех их главарей. Так погибли и вожди жирондистов. Они шли на казнь, распевая марсельезу, а один из них, Ласурс, сказал судьям революционного трибунала:

— Я умираю в минуту, когда народ потерял рассудок, а вы умрете тогда, когда он очнется!

Но пока Конвент мог считать себя победителем. Правительство республики решило вооружить и обучать военному делу всех молодых республиканцев для защиты границ государства от нашествия врагов. От имени Комитета общественного спасения, сделавшегося центром всей правительственной деятельности Конвента, было заявлено, что все граждане должны посвятить ей свой труд, другие — свое состояние, служить ей своими советами или своими руками, и все должны приносить ей в жертву свою кровь, если понадобится.

— Пусть каждый делает, что может! — говорилось в этом заявлении. — Молодежь пойдет сражаться, женатые будут ковать оружие, перевозить обозы и пушки, готовить с'естные припасы, женщины будут шить одежду для солдат, готовить палатки и ухаживать за ранеными. Дети будут щипать корпию, а старики, вспомнив древние времена, будут на площадях воспламенять мужество молодых воинов, проповедывать ненависть к королям и единство республики! Национальные здания будут обращены в казармы, площади — в мастерские, верховые лошади будут взяты для кавалерии, а упряжные — для артиллерии. Также будет взято все оружие для воинской службы.

Все эти меры были немедленно приведены в исполнение, и все французы, от восемнадцати до двадцати пяти лет, взялись за оружие. В скором времени республика получила в свое распоряжение четырнадцать армий и миллион двести тысяч солдат. Сражаясь с внешними врагами, революционное правительство, конечно, хотело обеспечить себя против козней своих внутренних врагов и в этой борьбе проявило самую последовательную и непреклонную суровость и беспощадную жестокость.

Между тем неурядица в делах все усиливалась, цены на продукты продолжали расти. В пищевых припасах уже ощущался большой недостаток во многих местах. И вот, чтобы поднять народное воодушевление Конвент решил устроить «Праздник братства в честь принятия конституции 1793 года».

Днем праздника был избран день падения династии Бурбонов, а именно: 10 августа. К этому дню в Париж съехались представители сорока четырех тысяч французских общин, т.е. около восьми тысяч представителей первичных собраний. Знаменитый художник Давид, сторонник якобинцев, составил для этого праздника программу, которая и была в точности выполнена. Самим же празднеством руководил Эро де Сешель, председатель Конвента, для которого этот день был настоящим апофеозом.

С четырех часов утра на площади Бастилии толпился народ, а также собрались там все члены Конвента, депутаты общин и старейшины департаментов, которых было 83 человека. Затем явились клубы и вооруженные секции Парижа. Восход солнца был встречен пением Марсельезы, огласившим весь Париж. Много тысячный хор с воодушевлением пел эту песнь революции и звуки ее разносились далеко.

Посредине площади возвышалась большая статуя, изображавшая природу и из груди ее изливалась в бассейн струя чистой воды. Это был «Фонтан возрождения». У подножия этой колоссальной статуи стоял Эро де Сешель, бывший в этот день настоящим героем торжества. Молодой, красивый, с горящими огнем вдохновения глазами, он своим пламенным красноречием воодушевлял толпу и увлекал ее за собой. Кругом виднелись еще обломки старой Бастилии — этой цитадели абсолютизма, — и на камнях еще можно было прочесть уцелевшие трогательные надписи, нацарапанные рукою заключенных, томившихся в стенах государственной тюрьмы. И в виду этих обломков каменных стен, безмолвных свидетелей стольких беззаконий и насилий над народом, Эро де Сешель произнес свою речь. Но он видел перед собой только неизмеримое море голов, и эта толпа, собравшаяся сюда с первыми проблесками утренней зари, с благоговением и восторгом прислушивалась к его словам.

— О мать природа, владычица диких и цивилизованных народов! — воскликнул он. — Весь этот бесчисленный народ, собравшийся сюда при первых лучах утренней зари и стоящий у подножия твоего изображения, вполне достоин тебя, потому, что он свободен! Он сам нашел эту свободу, нашел свои права, обратившись к тебе, к твоим священным источникам и ища защиты на твоей груди. После многих веков заблуждения и рабства, он опять вернулся к тебе, чтобы вновь обрести у тебя свою потерянную свободу и равенство. О природа! Прими же выражение всякой преданности твоим законам от всех французов, представители которых собрались здесь. Пусть этот светлый, животворящий источник, струящийся из твоих груди и утолявший жажду первых людей, наполнит этот кубок, который я поднимаю за равенство и братство и пусть вся Франция, вместе со мной, принесет тебе торжественную клятву в этот священный день, самый прекрасный из всех дней, когда либо освещенных солнцем!..

Эро де Сешель подошел к фонтану Возрождения, зачерпнул из него воды, вылил несколько капель на землю и поднес кубок к губам. Тотчас же прогремели пушечные выстрелы. Затем он еще восемьдесят шесть раз наполнял водой этот кубок и передавал его убеленным сединами старцам, стоявшим у подножия статуи природы, со знаменами французских департаментов. По окончании этой церемонии вся процессия, в сопровождении несметной толпы народа, отправилась на Итальянский бульвар, где была сооружена триумфальная арка в честь парижских женщин, совершивших поход на Версаль 5 октября 1789 года. Тут же присутствовали и многие из этих героинь. Среди них было много актрис и натурщиц, сидевших теперь на лафетах орудий.

Эро де Сешель увидел среди них много своих прежних приятельниц, с которыми он, в самом начале своей карьеры, весьма весело проводил время, не помышляя о будущем, а тем более о революции. Увидев «красавца Эро», как его называли в кругу этих женщин, они улыбались и весело закивали ему головой, делая ему дружеские знаки, но он был слишком торжественно настроен в эту минуту, чтобы обратить на них внимание. Воспоминаниям о прежней веселой, разгульной жизни не было места в его душе в такие торжественные минуты. Поэтому он не отвечал на их приветливые улыбки, а обратился с речью ко всем французским женщинам в их лице, приглашая их сделаться «матерями народа героев». В заключение же он поцеловал каждую из них поочередно, а они увенчали его лаврами. После этого все двинулись к площади революции.

Члены Конвента шли с пучками колосьев в руках, а в особом ковчеге несли грамоту о конституции. Старейшины департаментов имели в руках оливковые ветви и копьа.

На площади революции, где еще накануне стояла гильотина, возвышалась теперь только статуя свободы, поставленная на тот самый пьедестал, на котором раньше красовался памятник Людовику XV. У подножия статуи был воздвигнут огромный костер, закрывавший ее и предназначенный для жертвоприношения. На костер была поставлена так называемая «тачка преступления», нагруженная разными символами рабства, и по знаку Эро де Сешеля туда же положили деревянные скипетры и картонные короны, эмблемы монархии.

Когда это было сделано, Эро де Сешель взял зажженный факел с которого сыпались искры и потрясая им, обратился со следующими словами к несметной толпе, наполнявшей площадь:

- Здесь, на этом самом месте меч закона сразил тирана! Пусть же заодно погибнут и все эти позорные знаки рабства, которые в самых разнообразных формах воспроизводили перед нашими глазами ради укрепления власти тиранов! Пусть пламя пожирает их и превратит их в пепел! Пусть в нашем сознании останется вечным лишь воспоминание о том геройстве, которое их уничтожило! Справедливость и возмездие - вот гении хранители свободных народов! Пусть же в памяти человечества будет заклеено имя того тирана, который обманул доверие великодушного народа, посадившего его на престол! Вы - свободные люди, народ равных, друзья и братья, не создавайте себе больше никогда других атрибутов власти и величия, кроме эмблем искусства «труда, которые именно и создали благосостояние человеческого общества! О священная земля, покройся же этими истинными благами, дабы все люди могли их разделить между собою! Но оставайся бесплодной для всего, что служит только для удовлетворения гордости и тщеславия!..

Произнеся эти заключительные слова Эро де Сешель бросил горящий факел в костер, который тотчас же запылал, и в тот же миг три тысячи голубей поднялись на воздух. Птицы были разукрашены трехцветными лентами, и к шейке каждой из них была привязана узкая полоска бумаги с надписью: «Мы свободны! Подражайте нам!» Эта голуби должны были повсюду разнести весть о свободе и братстве французов. Но одна парочка голубей, как рассказывали, не улетела далеко, а приютилась в складках одеяния статуи Свободы и долго жила там, продолжая ворковать в виду гильотины, которая снова была воздвигнута на прежнем месте и продолжала делать свое страшное дело.

Когда костер догорел, и из пламени показалась статуя Свободы, то народ разразился бурными криками восторга и затем шествие двинулось к Марсову полю, где была сооружена высокая трибуна. На эту трибуну взошел Эро де Сешель и возвестил народу конституцию. Документы, касающиеся голосования департаментов, были возложены на алтарь отечества, и Эро де Сешель, снова обращаясь к народу, воскликнул:

— Поклянемся защищать нашу конституцию до самой смерти. Республика должна жить вечно!..

Многотысячная толпа восторженно вторила ему и под гром пушечных выстрелов все поклялись защищать конституцию до последней капли крови. После этого Эро де Сешель соединил копья старшин в один пучок, знаменуя этим союз, объединяющий все департаменты. Этот пучок был помещен потом в герб республики.

По окончании этой официальной части торжества начались народные празднества. Восторг и одушевление были всеобщими и Конвент правильно рассчитал, что такой праздник будет содействовать под'ему духа и сплотит народ вокруг правительства. Конституция, уделявшая такие большие права народу, вызвала бурные восторги толпы. Представители общин дали, однако, свое согласие на то, чтобы введение конституции было отложено до окончания борьбы, которая должна вестись с прежней непреклонной энергией.

Эро де Сешель вернулся домой совершенно оп'яненный всеми овациями, которые делались ему. Народ бурно выражал ему свою признательность, женщины бросали ему цветы и посылали воздушные поцелуи. «Красавец Эро» был настоящим героем в этот день. Он получил множество приглашений и может быть в другое время и при других обстоятельствах соблазнился бы участвовать в веселой пирушке, устроенной в его честь, но он все еще был торжественно настроен и к тому же не хотел огорчать «красавицу Адель», которая ждала его. Она была на празднике, видела его торжество и упивалась им. И он решил, что зайдет не надолго домой и затем пойдет к ней. Они вместе будут переживать все эти необычные минуты.

Эро де Сешель чувствовал, что он наконец достиг той высоты, на которую возносился в своих честолюбивых мечтах. Его имя было у всех на устах в эту минуту, и ореол славы окружал его. Он не предчувствовал тогда, что и его ждет гильотина, в самом недалеком будущем, и что она будет воздвигнута для него на том самом месте, где он пережил минуту своего самого величайшего торжества!

Дома он нашел длинное анонимное послание, в котором ему предсказывали, что его ждет возмездие, и что он заплатит своею кровью за кровь короля. По всей вероятности это письмо было написано каким-нибудь роялистом, быть может даже его родственником, не подозревающим, что его предсказание скоро исполнится.

Но Эро де Сешель только улыбнулся, прочтя письмо и, скомкав, бросил его. Разве все эти угрозы могли быть страшны ему, стоящему на такой высоте?..

Однако, это и погубило его. Красивый, изящный, остроумный Эро де Сешель, совершенно заслонявший Робеспьера, который начал выдвигаться и сосредоточивать власть в своих руках, не мог не возбудить против себя его неудовольствия. Робеспьер был также честолюбив, но обладал при этом непреклонной энергией и гораздо большею силою характера, нежели блестящий Эро де Сешель, так часто оставлявший его в тени во время своих ораторских выступлений.

Робеспьер не любил Эро де Сешеля и, считая его легкомысленным, не вполне доверял ему. Друзья Эро де Сешеля предупреждали его об этом, передавая ему, что Робеспьер отзывается о нем как о безнравственном и беспринципном человеке и возмущается тем, что он нисколько не смущаясь, открыто живет с красавицей аристократкой.

— Ах, так вот что! — беспечно засмеялся Эро де Сешель. — Вы думаете, что этого вполне достаточно, чтобы послать меня на гильотину? Ну, что же, только одна «Луизон» (народное прозвище гильотины) и может разлучить меня с Аделью!

Эро де Сешель был так опьянен блестящею ролью, которую он исполнял 10 августа, в день провозглашения конституции, что вначале не придавал никакого значения ненависти Робеспьера и зависти, подстерегавшей его. Он наслаждался своею популярностью, упивался восторгами толпы, над которой царил, как настоящий триумфатор. Это было самое счастливое время его жизни, и как всякое счастье оно было непродолжительно. Когда он, наконец, понял отношение к нему Робеспьера, видевшего в нем своего самого опасного соперника, было уже поздно.

ЭРО ДЕ СЕШЕЛЬ – ТВОРЕЦ ФРАНЦУЗСКОЙ КОНСТИТУЦИИ 1793 г. ГЛАВА V

Раскол среди якобинцев. — Робеспьер и его соперники. — Душевное состояние Эро де Сешеля. — Разговор Дантона с Робеспьером. — Роковая соперница. — Госпожа де Моранси. — Последний вечер. — Арест Эро де Сешеля. — Письмо Конвенту. — В Люксембургской тюрьме. — Дантон в заключении. — Мать Эро де Сешеля. — В Конвенте. — Обвинительный акт. Допрос. Суд. — Казнь.

Между тем среди якобинской партии, сосредоточившейся в Конвенте, назревал раскол. Там существовало три течения, причем во главе наиболее умеренного — правого, стоял Дантон со своими друзьями и сторонниками: Эро де Сешелем, Камиллом Демуленом и др. Представителем левого течения был Эбер, редактор якобинской газеты «Отец Дюшен», опиравшийся на коммуны и пролетариат предместий. В Конвенте большинство относилось несочувственно к его группе, находя, что она ударяется в крайности. Эбер требовал полной отмены христианского богослужения и введения культа Разума, нападая, с одной стороны на Дантона и его друзей, с другой — на Робеспьера, которого обвинял в посягательстве на свободу. Робеспьер был, однако, во главе самой сильной партии, представлявшей среднее течение в Конвенте и играл в нем по-прежнему первенствующую роль. В сущности он был настоящим диктатором в этот период времени и устранял с дороги все, что мешало ему.

Сторонники Эбера представляли самую крайнюю революционную партию, которая находила поддержку в коммуне, являвшейся главной соперницей Конвента, а следовательно и Робеспьера. Поэтому, когда между «Дантонистами» к «Эбертистами» разгорелся спор, то Робеспьер выступил против Эбера, заодно с Дантоном и его партией. Эбертисты были сильнее дантонистов, так как их поддерживала коммуна, пользовавшаяся в народных массах большой симпатией, потому что она снабжала Париж съестными припасами, в которых вообще ощущался большой недостаток. Как нарочно зима в том году была очень суровая. Трудно было добывать воду и дрова, которые приходилось брать в отдаленных лесах. На рынках почти не видно было овощей; мясо тоже представляло редкость, и коммуна могла выдавать его лишь по одному фунту на человека, на десять дней. А возле булочных женщины уже с ночи становились в очередь и простаивали до утра, дожидаясь хлеба.

Однако, несмотря на поддержку коммуны и сочувствие парижского населения, Эбер и его партия потерпели поражение в борьбе с всесильным в то время Робеспьером. Он, вместе с дантонистами, напал на атеизм эбертистов и поддерживал Камилла Демулена, газета которого «Старый Кордельер» была специально направлена против крайне левого течения. В якобинском клубе Робеспьер заявил, что «образованный человек может обойтись без религии, между тем как массе она необходима». Атеизм он называл «аристократическим направлением».

^{vi} Дополнительные материалы к главе: **М.Булуазо**, «Комитет Общественного спасения» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_66_CPS.htm), **Я.Старосельский**, «Проблемы якобинской диктатуры» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/starsl_jc_1.htm), **ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг. – подборка документов** (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf), **С.Моносов**, «Очерки по истории Якобинского клуба» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/monosov_jc.htm), **Р.Авербух**, «Террористический режим во Франции в 1793-94 гг.» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/aver_terr.pdf).

— Идея Высшего Существа, защищающего и охраняющего угнетенную невинность и наказывающего торжествующее преступление в высшей степени народна, — сказал он. — Если бы Бога не было, то его надо было бы выдумать.

Эбер видел опасность. В одной из своих речей он оказал, что «самые дурные и опасные люди в обществе, — отнюдь не грабители и воры, а честолюбцы!» Этим он намекал на Робеспьера и как бы бросал ему вызов, который тот немедленно подхватил. У эбертистов был план предупредить опасность посредством восстания, но они не успели этого сделать. Их арестовали и предали суду, обвиняя в подготовке восстания, и кроме того, в разных бесчестных поступках и в распутстве. Они почти не защищались на суде.

— К чему защищаться? — сказал один из них своим товарищам, когда те вздумали было готовить свою защиту и подбирать соответствующие документы. — Все равно это ни к чему не поведет! Мы и так слишком много занимались болтовней, когда надо было действовать. Теперь нам остается только показать, что мы умеем спокойно умирать!

И это они доказали, также как и многие другие в то героическое время.

Растравившись с Эбером и его товарищами, которые были казнены в марте 1794 года Робеспьер занялся своими другими противниками, Дантоном и его партией.

В одной из своих речей он выступил и против эбертистов и против дантонистов, сказав, что «государственный корабль приходится направлять между двумя подводными камнями, из которых один представляет слабость, а другой — неистовство. И то, и другое одинаково вредно для революции». Он ясно давал понять, что под слабостью подразумевает умеренность Дантона и его товарищей, а под неистовством — атеизм Эбера, который был ему глубоко антипатичен.

Партия Дантона считалась умеренной, а это было страшное обвинение в то время. Старые революционеры хмуро смотрели на дантонистов, считая такую умеренность безнравственной и беспринципной в революционное время. И тотчас же после казни главарей эбертистов начался поход против правой фракции Конвента. Робеспьер порвал со своим школьным товарищем Камиллом Демуленом, и Демулен был исключен из якобинского клуба. Наиболее ярые из революционеров обвиняли даже самого Робеспьера в умеренности и в сходках на улицах роптали на него за его снисходительность к врагам революции. Но так как значение Робеспьера еще не уменьшилось, то обе стороны заискивали в нем, а он, пока держался середины, не принимая ни ту, ни другую сторону, но для укрепления своей власти уничтожал всех, кто мог ему противодействовать.

Преданный друг Робеспьера Сен-Жюст произносил в конвенте громовые речи против дантонистов, и, конечно, Дантону следовало бы защищаться, но он как-то безучастно относился к надвигающейся опасности и ничего не предпринял для ее предотвращения. Он точно покорился своей участи и даже говорил, что предпочитает быть «казненным, нежели самому казнить других!»

— Я предпочитаю быть жертвой, нежели палачем, — сказал он однажды. — К тому же жизнь моя не стоит того, чтобы ее защищать, а человечество мне наскучило.

— Но они ищут твоей смерти! — говорили ему друзья, уговаривая его скрыться, бежать из Франции. Но он отвечал:

— А разве можно унести с собою на подошвах свое отечество?

Однако, когда ему сообщили, что Робеспьер готовится арест, то он воскликнул:

— Они не посмеют!

И, действительно, они сразу не посмели наложить на него руки. Кампания против него велась довольно искусно, и Робеспьер не высказывался прямо. Наиболее близкие и преданные ему члены его партии, в том числе и Эро де Сешель, уже не чувствовали себя в безопасности. Эро де Сешель раньше других догадался об этом и предупреждал Камилла Демулена, который не прекращал своих остроумных и резких нападок на революционное правительство. Сам Эро де Сешель даже пробовал пустить в ход все свое искусство обольщения и прибегал к лести, чтобы только заслужить расположение могущественного диктатора. Но ничто не помогало. Робеспьер считал Эро де Сешеля своим самым опасным соперником в Конвенте и поэтому участь его была решена, так же как и участь Дантона, тем более, что он и Робеспьер во многом не сходились.

Эро де Сешель обожествлял природу. Он стремился заменить католицизм культом природы и день 10 августа превратил в настоящий языческий праздник. Но это сильно не понравилось Робеспьеру; и в речах, которые он произносил в Конвенте и в якобинском клубе, нападая на атеистов, он несомненно имел в виду и Эро де Сешеля. Только тогда еще не пришло время действовать против него. Имя Эро де Сешеля, после празднования 10 августа и провозглашения конституции, было очень популярно, и Робеспьер не решался открыто выступить против него.

Однако, мало-помалу впечатление, оставленное празднеством 10-го августа в народных массах, начало сглаживаться, и Робеспьер воспользовался этим. Слишком много, других злободневных событий отвлекало внимание населения, и Эро де Сешель постепенно сошел со своего пьедестала. Ряды друзей и приверженцев Эро де Сешеля постоянно редели, с тех пор как Робеспьер заседал в Комитете общественного спасения. Видя это, Эро де Сешель чувствовал, что под его ногами почва колеблется, и временами ему казалось, что над ним уже занесен нож гильотины. Страх был плохим советником для такого эпикурейца, каков был Эро де Сешель. Он научил его лицемерить, прибегать к хитрости, скрывать свои мысли и давать уклончивые ответы, когда Эро де Сешель был поставлен в необходимость высказываться определенно.

Эро де Сешель председательствовал в Конвенте 1 и 2 сентября, когда решалась участь Марии Антуанетты. Он не выступил в ее защиту и даже ничего не возразил на речь Эбера, утверждавшего, что «голова Марии Антуанетты нужна для укрепления преданности парижского населения революционному правительству». — Нужны еще новые жертвы! — воскликнул Эбер. — Я обещал голову Антуанетты и сам отрублю ее, если мне ее не дадут. Я обещал ее от вашего имени санкюлотам, без которых вы перестанете существовать. Вы все погибнете, иначе не может быть! Все против нас: роялисты и наши собственные генералы, которые нам изменяют. Мы живем только для мщения, и оно должно быть безмерным! Но для осуществления нашего мщения нам нужны санкюлоты. Без них мы все погибли! Только они могут уничтожить всех наших врагов, а для того, чтобы сохранить верность и преданность санкюлотов, нужна смерть Антуанетты!..

С этими словами Эбер вышел из собрания. Эро де Сешель, далеко превосходивший его умом, образованием и талантливостью, но находившийся всецело под влиянием чувства страха за свою собственную жизнь, не посмел ничего возразить ему и, хотя эта ненужная казнь возмущала его чувство, тем не менее он, так же как и все остальные его товарищи, согласился на нее. Дантон тоже молчал, хотя он всегда высказывался «против необходимости для республики в казни этой женщины». Впрочем, он восставал против этого лишь потому, что боялся, как бы казнь Марии Антуанетты не помешала переговорам с иностранными державами и не обострила бы еще больше внешнее положение Франции.

Впрочем, такие соображения уже не могли играть никакой роли, когда Конвент решал судьбу свергнутой королевы. Вскоре после этого заседания Дантон уехал к себе на родину и вернулся только в ноябре, после того как была казнена Мария Антуанетта. Эро де Сешель сразу заметил в нем перемену и даже сказал ему об этом. Дантон сознался, что чувствует большую душевную усталость.

— Как ни соблазнительна власть, — сказал ему Дантон, — но я невольно спрашиваю себя порою, стоит ли она таких усилий? Все заставляет меня так ненавидеть настоящее, что я иногда даже начинаю жалеть о том времени, когда весь мой заработок основывался лишь на бутылке чернил.

Такой же упадок духа ощущал и Эро де Сешель, в душу которого временами прокрадывался смертельный холод. Яркое, сверкающее здание революции, так ослеплявшее его своим блеском вначале, мало помалу превращалось в его глазах в поле смерти. Сияние померкло! Каждый день гильотина, тюрьма, эмиграция лишали его или друга или родственника. Постепенно вокруг него образовывалась пустота...

В ночь с 3 на 4 сентября была арестована вся труппа французского театра. Среди актрис было не мало прежних приятельниц Эро де Сешеля, и чувство глубокой скорби наполнило его душу, когда он узнал об этом. Но заступиться за них он уже не посмел и с замиранием сердца ждал решения их участи.

Вскоре после этого были арестованы и все бывшие коллеги Эро де Сешеля по парижскому парламенту. Он знал, что они были отмечены для гильотины и с отчаянием в душе думал об этом, присутствуя на заседаниях Комитета общественного спасения. В самом Комитете у него происходили резкие пререкания с Сен-Жюстом, который невидимому ненавидел его ничуть не меньше, чем Робеспьер. Но Дантон все еще был в силе, а Эро де Сешель все еще пользовался популярностью среди народных масс, поэтому Робеспьер выжидал, когда им можно будет нанести решительный удар.

Однако, положение Эро де Сешеля в Конвенте сделалось настолько затруднительным, что он решил за лучшее на время удалиться из Парижа и выхлопотал себе у Конвента командировку в Верхне-Рейнский департамент. По приезде в Бельфор, он, желая угодить Конвенту, перенял манеры Сен-Жюста и даже в речах подражал ему, стараясь нагнать страх на врагов республики. Но такое поведение было совершенно несвойственно его характеру и, несмотря на свои застрачивания, он все-таки никого не отправил на гильотину. Правда, он арестовал нескольких непокорных священников и несколько эльзасских баронов, оплакивавших монархию, но всех арестованных переправил через границу.

А в это время, пока он находился в отсутствии, враги готовили его гибель. Откуда-то появились анонимные доносы, обвинявшие его в измене, и дело зашло даже так далеко, что Конвент счел нужным отозвать его и допросить.

Явившись перед трибуной Конвента, Эро де Сешель с достоинством защищал себя против всех обвинений. Но взглянув на молчавшего и пристально смотревшего на него Робеспьера, он прочел в его зеленоватых глазах свой смертный приговор. И несмотря на то, что в Конvente у Эро де Сешеля было не мало друзей, все же никто не решился энергично возвысить свой голос в его защиту Эро де Сешель ушел в очень мрачном настроении, не зная что предпринять для своего спасения. Он совершенно растерялся и потерял душевное равновесие. Никто из его друзей, тоже находившихся под такой же угрозой, не мог ничего посоветовать ему.

Дантон доверчивый и беспечный, все еще продолжал надеяться на то, что с Робеспьером можно сговориться в виду общей для всех внешней опасности. Он высказывал эту мысль и Эро де Сешелю.

— Ведь все эти распри не могут убить хотя бы только одного пруссака! — говорил он и эту же мысль развивал Робеспьеру, с которым не прерывал сношений.

— Пожертвуем нашими частными несогласиями и будем заниматься только общим делом.

Встретившись с Робеспьером на обеде у одного из общих друзей, Дантон горячо убеждал его забыть взаимные неприятности и думать только об отечестве, об его нуждах и опасностях. Дантон говорил очень горячо, но Робеспьер слушал его с каким-то холодным равнодушием и ограничился только одним замечанием.

— С твоими принципами, с твоей моралью, — сказал он, — пожалуй не найти во Франции виновных, заслуживающих наказания. Такая точка зрения опасна для революции.

— А разве ты сам не был бы рад, если бы не надо было никого наказывать? — спросил Дантон с дрожью в голосе.

Робеспьер ничего не ответил, и Дантон расстался с ним, очень огорченный результатами этого разговора.

Эро де Сешель, узнав об этом, решил, что все пропало, да и у самого Дантона как-то опустились руки. Впрочем, вступив в словесные битвы со своими противниками, он все-таки не щадил их и его бичующее красноречие было для них очень чувствительно, тем более, что публика, наполнявшая трибуны, всегда прислушивалась к его голосу. Но он ничего не делал, чтобы упрочить свою личную безопасность. Робеспьер, впрочем, прямо не нападал на Дантона, а пока ограничивался только тем, что старался уронить его в общественном мнении, компрометируя его наиболее близких друзей, обвиняя их в разных неблагоприятных поступках, что бросало тень и на самого Дантона. К числу последних принадлежал, конечно, и Эро де Сешель.

Видя себя вынужденным покинуть Конвент, Эро де Сешель временно все-таки оставался в комитете, где продолжал заседать как ни в чем не бывало. Однако, вскоре он вышел и оттуда. Он чувствовал, что висит над пропастью и, чтобы заглушить в себе страх смерти, предавался разгулу, как будто торопясь поскорее осушить до дна кубок наслаждений и точно опасаясь, что ему не хватит на это времени. Бедная Адель не раз обливалась слезами, тщетно дожидаясь его прихода, так как иногда он не показывался к ней по несколько дней. Она видела в нем перемену, но не понимала ее. Она ревновала его и делала ему сцены и однажды, после одной из таких сцен, когда произошло примирение, он крепко обнял ее и, говоря ей, что любит ее по прежнему, сказал:

— У тебя есть только одна соперница, но самая страшная! Она может навсегда отнять меня у тебя. Зовут ее «Луизон».

Адель не поняла его зловещей шутки, а когда поняла, то со смертельным ужасом посмотрела на него. Неужели?..

— Да, — сказал он, — на этот раз серьезно. Но я думаю, что все же до этого дело не дойдет.

Но дело дошло до этого!..

Дантон по прежнему старался искусно лавировать и открыто не порывал с Робеспьером, выжидая лишь удобного момента, когда можно будет его свалить. Опираясь на свой былой революционный авторитет, он проповедывал теперь умеренность, а также старался исправить уже сделанные ошибки и избежать новых. В январе 1794 года у него произошел такой разговор с Робеспьером. Дантон высказал мнение, что при терроре, к сожалению, зачастую вместе с виновными, погибают и невинные.

— Кто наговорил тебе это, что погибают невинные? — спросил Робеспьер хладнокровно.

Дантон с удивлением посмотрел на него и обратившись к одному из присутствующих членов Конвента, проговорил с возмущением:

— Как тебе это понравится, — никто невинно не погиб?..

И больше не прибавив ни слова, Дантон тотчас же вышел.

Пока Робеспьер не выступал открыто против Дантона, Эро де Сешель мог еще надеяться, что не все потеряно, но вот в феврале 1794 года Робеспьер стал произносить речи, как против слишком крайних течений, так и против слишком снисходительных людей. А Демулен, как нарочно, вел свою агитацию против террора в это самое время и, хотя Эро де Сешель активно не участвовал в этой агитации, но все же он присоединился к Демулену, так как его душе претила непрекращающаяся жестокость.

Он сознавался своим близким друзьям, что устал от революции и не может больше видеть крови. Он искал забвения своих душевных мук, но перепуганная Адель, дрожавшая за его жизнь, не могла отвлечь его от мрачных мыслей, так как он читал этот вечный страх в ее глазах. Чтобы избавиться от этого мучительного состояния, он избегал той, которую любил, и искал забвения в кутежах и в объятиях других женщин. Благодаря его привлекательной наружности, у него не было недостатка в поклонницах, но повидимому только две женщины могли похвастаться постоянством его привязанности. Это были: Адель Бельгард и госпожа де Моранси, его давнишняя приятельница. В мемуарах его современников постоянно упоминается об этих двух женщинах в связи с его именем. Повидимому Эро де Сешель делил свое расположение между той и другой, так как им обеим он писал очень нежные письма.

Госпожа де Моранси никогда не скрывала своего восхищения красотой и талантливостью Эро де Сешеля, и в ее переписке заключается много интересных подробностей, касающихся последних дней его жизни. В первое время своей связи с Аделью Бельгард, Эро де Сешель почти совсем перестал бывать у своей старинной приятельницы, но в последний период своей жизни снова вернулся к ней и проводил у нее большую часть времени. Она понимала, что ему нужно забвение и устраивала для него веселые пирушки. В обществе, которое собиралось у нее, он забывал свою душевную муку и только иногда, в самый разгар веселья, он вдруг бледнел, точно перед ним снова появлялся страшный кровавый призрак гильотины, преследовавший его все последнее время. Он старался отогнать его от себя безумным весельем и приводил в восторг все общество своим сверкающим остроумием и сумасбродными выходками. Но его веселье не могло обмануть любящую женщину.

— Он бросается очертя голову в вихрь наслаждений скорее для того чтобы убит себя, а не для того, чтобы быть счастливым, — говорила своим друзьям госпожа де Моранси.

Впрочем Эро де Сешель не скрывал от нее своего душевного состояния.

— Меня преследуют злоешие предчувствия, — сказал он ей однажды, — Я хочу поторопиться жить! Они будут думать, когда отрубят мне голову, что отняли жизнь у тридцати двухлетнего человека, а между тем мне уже будет тогда восемьдесят лет! Я хочу в один день прожить столько, сколько проживают в десять лет.

И действительно он торопился жить, постоянно думая о том, что дни его сочтены, и стараясь напоследок насладиться жизнью как можно больше.

Товарищем и собутыльником Эро де Сешеля в этот последний период его жизни был некто д'Эспаньяк, бывший аббат. Это был весьма любопытный тип революционной эпохи, очень остроумный и веселый собеседник и чрезвычайно ловкий аферист. Ему удавалось очень искусно обходить все подводные камни на своем пути и, хотя он попадал порой в тюрьму, всегда бывал скоро выпущен оттуда. Однако и для него пробил час, как и для Эро де Сешеля, и оба собутыльника вновь встретились еще раз у подножия эшафота! . . .

В последние дни жизни Эро де Сешеля его часто можно было заметить на той улице, по которой обыкновенно проезжали повозки с осужденными на смерть.

— Да, это я! — сказал он однажды одному своему знакомому, который встретил его на этой улице. — Не удивляйтесь, что я стою здесь. Я пришел взглянуть на агонию республики, а также поучиться, как надо умирать!

Другому из своих знакомых он сказал, впрочем, что «случайно» очутился на пути, но несколько не огорчен тем, что видел роковую процессию.

- Это освежает душу, — прибавил он с усмешкой.

О последнем вечере Эро де Сешеля госпожа де Моранси рассказывает следующее:

- Тревога Эро де Сешеля все увеличивалась, и я это ясно замечала. Однажды он ужинал у меня с одним из своих друзей, который вдруг спросил его: «Эро вы хороши с Робеспьером?» Эро де Сешель покраснел и сразу как-то притих. Все оживление его пропало. Он ушел рано и, прощаясь со мной, сказал мне, что придет на другой день завтракать. В глазах у него были слезы. Уходя, он несколько раз нежно обнял меня, словно прощаясь навсегда со мною. Ему как будто было трудно расстаться со мною. Я же не могла произнести ни слова. Его приятель, дожидавшийся его, наконец, потерял терпение и сказал: «Эро, я ухожу. Повидимому ты собираешься сегодня здесь ночевать? В таком случае, до свиданья!» ... «Нет, нет!» — торопливо возразил Эро де Сешель, — «я тоже ухожу. Я должен непременно вернуться домой. Мне надо приготовить доклад к завтрашнему дню». — Он последний раз дружески обнял и поцеловал меня. Я проводила его до дверей и там прижала его руку к своим губам, не будучи в состоянии сдержать своих слез. Не выпуская его руки, я спустилась с ним по лестнице и еще раз крепко поцеловала его руку. Появление привратницы прекратило эту чувствительную сцену. — «До завтра!» сказали мы все друг другу, и с этими словами Эро де Сешель исчез от меня навсегда...

Предчувствуя приближение развязки, Эро де Сешель сделал попытку примириться со своими родными, со своей матерью, огорченной его поведением и с бабушкой, вдовой сурового полицейского генерала, служившего еще при Людовике XV. Свидание было очень трогательным. Обе женщины оплакивали его судьбу.

— Он такой добрый и справедливый, теперь обрызган кровью столько невинных жертв! — говорили они, проливая слезы. Но и ему было не легко. Он действительно олицетворял собой и величие и роковую судьбу той идеи, которая увлекала его. Он сам сказал, что над ним тяготеет злой рок и не скрыл от матери и бабушки весь ужас своего положения. Он, этот законодатель, так недавно возвеличенный, в блестящем апофеозе славы, в день 10 августа, когда провозгласил конституцию, столь популярный и могущественный еще так недавно, теперь был в сущности гораздо несчастнее двух старух, своей матери и бабушки, и подвергался гораздо большей опасности нежели они обе.

За этим первым свиданием вероятно последовали другие. В бумагах Эро де Сешеля было найдено несколько счетов за карету в Ливри, где жили его мать и бабушка, так что, очевидно, он не один раз ездил туда. Между прочим, на одном из этих счетов, от февраля месяца, было отмечено рукой Эро де Сешеля: «Дал пять ливров священнику».

Между тем Робеспьер подбирал материал для обвинительного акта против Дантона, который взялся написать Сен-Жюст. Дантона предупреждали об этом, но он не обратил на это должного внимания, считая себя вне опасности, потому что незадолго перед этим его выступление в якобинском клубе имело огромный успех. Однако, вскоре после этого он, как будто, снова упал духом, и своим друзьям казался не то больным, не то утомленным. Как-то раз он сказал:

— Опять нужно было бы проливать кровь? Нет, с меня этого довольно! Я достаточно проливал крови, когда считал это полезным и больше не хочу.

В разговоре с Эро де Сешелем он заявил, что не верит в опасность. — Они не посмеют! — сказал он. — Посмотрите на мою голову! Разве она не крепко сидит на моих плечах? И зачем они стали бы меня губить? Зачем это нужно?

Робеспьер некоторое время не появлялся. Говорили, что он болен. Тринадцатого марта он снова появился в Конвенте, но не выходил на трибуну. Очевидно судьба дантонистов была уже решена тогда.

Семнадцатого марта был арестован Эро де Сешель. В сущности его арест был только предвестником ареста Дантона. Хотели испытать, как отнесется Дантон к этому аресту, выкажет ли он возмущение и что он сделает? Все думали, что Дантон решится на какой-нибудь отчаянный поступок, видя, что к нему постепенно подбираются, выхватывая его друзей и стараясь его изолировать. Но Дантон не пошевелился и таким образом уничтожил все опасения своих врагов, все-таки боявшихся, что он может возвысить свой могучий голос и привлечь на свою сторону население Парижа, опираясь на свою прежнюю репутацию и свою популярность.

Эро де Сешель был арестован под самым ничтожным предлогом. У него жил молодой военный комиссар, по имени Катюсс, который служил ему раньше переводчиком во время его командировки в департамент Верхнего Рейна. Эро де Сешель был очень им доволен и поэтому оставил его у себя в качестве секретаря. Этого было достаточно, чтобы дать повод для ареста самого Эро де Сешеля. Полиция Робеспьера объявила, что Катюсс — бывший эмигрант и что на это имеются какие-то указания, и поэтому он был арестован. А в этот же день в Конвенте состоялось постановление, по которому каждый, дающий у себя приют человеку, стоящему вне закона, должен быть осужден, как его сообщник.

Эро де Сешель был в отсутствии, когда арестовали Катюсса. Вернувшись домой и узнав об этом аресте, он тотчас же отправился в кордегардию, чтобы попросить разрешения видаться с арестованным. Ему ответили, что нет приказа, запрещающего это и что он может видеть Катюсса. Конечно, Эро де Сешель тотчас же воспользовался этим разрешением и повидался со своим секретарем. Свидание было очень короткое и он разговаривал с Катюссом всего несколько минут, да и то в присутствии нескольких человек. Но когда он пришел в заседание Комитета, то один из членов заметил ему, что он совершил незаконный поступок, добиваясь свидания с арестованным и что с узниками разговаривать нельзя! Эро де Сешель возразил, что ему было дано разрешение. Разговор на этом покончился, и Эро де Сешель ушел.

Домой он вернулся только в одиннадцать часов вечера и уже застал у себя полицию. Его тотчас же арестовали, показав ему приказ, подписанный членами Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности. В три часа утра он был отвезен и в тюрьму.

По словам одного шпиона, которого Англия держала в самом Комитете общественного спасения, аресту Эро де Сешеля предшествовала его новая стычка с Сен-Жюстом. Но так или иначе, а судьба его, невидимому, была уже давно решена Робеспьером, выжидавшим удобного момента, чтобы нанести свой удар без промаха. На другой день после своего ареста Эро де Сешель написал в Конвент письмо следующего содержания:

«Заключенный сегодня ночью в Люксембургскую тюрьму, я весь дрожу от негодования, сообщая вам о том, какая подлая и нелепая клевета взведена на меня! Мыслимо ли, чтобы представитель народа был лишен свободы и отторгнут от своих обязанностей на основании простого доноса, содержание которого притом мне даже не сообщали?»

Я не знаю кто автор этого гнусного доноса, но меня даже не вызвали в Комитет общественной безопасности, вопреки принятому у нас обычаю, обязующему Комитет непременно самому знакомиться со всеми доносами на депутатов. Я тщетно требовал, чтобы мне было дано право самому снести с Комитетом по этому поводу. Хотя было еще рано, и в Комитете еще оставались некоторые из членов, но мне все-таки ответили, что Комитет уже разошелся».

Далее Эро де Сешель сообщал в этом письме подробности своего знакомства с Катюссом, совершенно опровергающие взведенные на него обвинения, и в заключение требовал правосудия.

— Пусть меч закона сразит или мою голову или голову клеветника! Середины тут не может быть! — восклицал он.

Его арест произвел большое впечатление в публике. Ведь еще так недавно он был народным героем и, казалось, имел много приверженцев! Однако, агенты Робеспьера всячески старались скомпрометировать его и распускали слух, что будто бы Конвентом раскрыт какой-то крупный заговор, причем Эро де Сешель намечался даже как будущий регент Франции. Впрочем, публика отнеслась недоверчиво к этим рассказам и даже в полицейском донесении заявлялось, что по мнению большинства Эро де Сешель не мог участвовать в подобном заговоре. Во всяком случае Комитет долго не представлял обвинительного акта Эро де Сешелю, и это изумляло многих. Очевидно, обвинение еще не было готово, когда состоялся его арест.

Наконец, Сен-Жюст взошел на трибуну Конвента и громогласно заявил, что Эро де Сешель нанес страшное оскорбление закону. Его свидание с арестованным Катюссом было изображено как попытка, вопреки запрету стражи, проникнуть к арестованному.

Посланное Эро де Сешелем письмо к Конвенту не было, прочитано, и Сен-Жюст ограничился только заявлением, что Эро де Сешель давно уже находится под подозрением.

— У нас есть в руках письмо, написанное Эро де Сешелем одному непокорному священнику, — сказал он. — В этом письме Эро де Сешель в неприличных выражениях говорит о революции и между прочим обещает священнику место. Впоследствии этот самый священник был гильотинирован.

Сен-Жюст даже сравнивал Эро де Сешеля с Каталиной и не жалел красок, чтобы очернить нравственный облик обвиняемого и его поведение и окончательно погубить его в глазах депутатов. Конечно, его связь с женщинами аристократического круга, так же как и его бесшабашное поведение последнего времени сыграли тут не последнюю роль.

Поверили ли депутаты всему, что говорил Сен Жюст — неизвестно, но во всяком случае в Конвенте никто не посмел выступить в защиту павшего героя революции и таким образом выступить против всесильного тогда Робеспьера.

В Люксембургской тюрьме, куда был отвезен Эро де Сешель, он нашел самое избранное общество и многих своих старых знакомых. Его появление в тюрьме, конечно, произвело сенсацию в кругу заключенных, ожидавших со дня на день отправки на гильотину, но все эти аристократы и в особенности аристократки встретили его как блудного сына и выказывали ему самое нежное внимание. И к нему до некоторой степени вернулось душевное равновесие, совершенно потерянное им в последнее время. Он, смеясь, говорил, что ему снился дурной сон, и что пожалуй скоро наступит пробуждение.

Люксембургская тюрьма была самою элегантною тюрьмой в Париже в те времена. Аристократическое общество, заключенное в этой тюрьме, соблюдало самый строгий этикет. Друг к другу обращались с самой изысканной вежливостью, следуя всем обычаям, принятым в великосветском обществе, и всегда произнося полный титул: «господин принц» или «господин герцог», «господин граф», «господин маркиз» и т. д.

Как раз в это время в Люксембургской тюрьме сидели: старый маршал де Муши с женой, герцогиня Орлеанская, виконтесса де Ноайль, госпожа де Лафайет и когда-то близкие друзья Эро де Сешеля, маркиз де Флери, герцог де Леви и многие другие. Это был именно тот круг, в котором некогда вращался Эро де Сешель. Но пути их так далеко разошлись, что, казалось, больше нигде и никогда не могли встретиться. Революция раз'единила их, но она же и опять соединила их в тюрьме и у подножия гильотины. Эро де Сешелю действительно могло показаться, что он никогда и не выходил из своего круга, не был отщепенцем. Несчастье, постигшее его, стерло границы, которые, казалось, навсегда разделили его с прежними друзьями. Никто из нмх, однако, ни одним словом не намекнул ему на прошлое и на его измену традициям своего круга. Он вернулся, хотя и насильственно, в свой прежний круг и должен был умереть вместе с ними — этого было достаточно!

Общество заключенных собиралось в тюрьме, точно в салоне, и вело светскую беседу, как ни в чем не бывало. Как и до революции общество это блистало своим остроумием, любезностью по отношению к дамам и те тоже вели себя соответственно. Никто бы не подумал, что тут собрались люди, ожидающие неизбежной смерти! Играли, занимались музыкой, изощрялись в остроумии, шутках и насмешках на счет «богини разума». А герцог де Жевр сочинял остроумные эпиграммы, приводившие всех в восторг.

На глазах снисходительного и весьма чувствительного тюремщика завязывались любовные интриги, и вообще любовь играла немаловажную роль в этом обществе, доживавшем последние дни.

Однако Эро де Сешель, несмотря на исключительное внимание, оказываемое ему заключенными, все-таки держался несколько в стороне и лишь иногда, увлеченный остроумной светской беседой, оживлялся и принимал в ней участие. Его прежние друзья, старались поддерживать в нем это настроение и обрадованные, что сдержанность покинула его, предавались взаимным веселым воспоминаниям о своих былых похождениях, в которых и Эро де Сешель принимал не последнее участие. Он был невольно вовлечен в эту беседу и, как это ни странно, но она действовала на него ободряющим образом. В кругу этих людей он мало-помалу примирялся с мыслью о смерти и начал с высокомерным хладнокровием относиться к своей судьбе.

Утром 31 марта Эро де Сешель увидел Дантона, Камилла Демулена, Лакруа и Филиппе, своих товарищей по партии. Они были арестованы ночью и привезены в тюрьму. Эро де Сешель тотчас же подошел к ним и молча, крепко обнял каждого из них.

— Господа, — сказал Дантон, обращаясь к другим заключенным, — я рассчитывал в скором времени освободить вас отсюда, но вот я и сам попал сюда! Чем все это кончится теперь — не знаю!

Он старался шутить, но в шутках его слышалась горечь. Через час по прибытии в тюрьму, куда, спустя непродолжительное время, должен был попасть и Робеспьер, его посадили в секретное отделение. Дантон держал себя с большим достоинством и вообще не выказывал никакого сопротивления, но у него вырвалось только одно горькое замечание:

— Год тому назад, — сказал он, — я сам содействовал учреждению революционного трибунала, за что и прошу прощения у Бога и людей! Но я не думал, что этот трибунал делается мечом человечества!

Впрочем, революционный трибунал в данном случае только творил чужую волю. Одновременно судились сорок шесть человек, но обвинялись они в самых разнообразных преступлениях, которые не имели между собой ничего общего. Дантона и его товарищей обвиняли в том, что они хотели погубить республику, намереваясь достигнуть этого посредством «умеренности» и что они были подкуплены иностранными государствами и стремились восстановить во Франции монархическую власть. Дантона же, кроме того, специально обвиняли в том, что он был подкуплен двором и что он принимал участие в грабежах, совершенных в Бельгии. Хотя все эти обвинения и не подтверждались никакими фактами, но для суда это не было нужно. Конвент делал вид, что он верит им. Боязнь за свою собственную безопасность заставляла многих членов жертвовать своими друзьями и единомышленниками. Чтобы спасти свои собственные головы им надо было пожертвовать головами Дантона и его друзей.

Когда Дантона выпустили из секретного отделения, то он присоединился к остальному обществу и приводил его в восторг своими остроумными словами и замечаниями. Никакого упадка духа в нем уже не было заметно, также, впрочем, как и во всех его товарищах по несчастью.

В то время публика допускалась в Люксембургский сад, и мать Эро де Сешеля, узнав об его аресте, тотчас же приехала из Ливри и целые дни проводила в саду, откуда она могла видеть окно камеры, где он содержался.

— Она приезжала каждый день, — рассказывает один из заключенных в своих записках, — и садилась на скамью, против окна. Так она просиживала неподвижно целые часы, закрыв лицо вуалью и устремив взоры на окно, ожидая, вероятно, с замиранием сердца, появления в нем своего сына. Когда бы я не заглянул в сад, — а делал я это очень часто! — я всегда видел ее неподвижную фигуру.

Трудно себе представить большее постоянство! А в то время, как она сидела в саду, подстерегая момент, когда ее сын посмотрит в окно, Эро де Сешель играл с одним ребенком в мяч, на тюремном дворе. -В последнее время такая игра стала его любимым развлечением...

Однако, Париж все-таки заволновался, когда были арестованы Дантон и Эро де Сешель, бывший еще так недавно кумиром толпы. В Конвенте друг Дантона Лежандр потребовал, чтобы арестованные члены были приведены в Конвент и их бы тут же допросили.

— Граждане, — сказал он, — я объявляю, что считаю Дантона столь же чистым, как и самого себя, и поражаю тем, что он в оковах! Вероятно опасаются, что его ответы могут разрушить обвинения, взведенные на него и его товарищей, поэтому я прошу, чтобы прежде чтения доклада об их аресте, заключенные были вытребованы из тюрьмы в это собрание, и здесь были бы выслушаны их объяснения.

Сначала Конвент отнесся как будто сочувственно к этому требованию, и члены хотели уже голосовать предложение Лежандра. Но такое благоприятное для обвиняемых настроение Конвента, продолжалось недолго. Достаточно было появиться на трибуне Робеспьеру и сказать несколько слов, чтобы настроение сразу изменилось.

— Судя по давно уже небывалому смятению, господствующему теперь в собрании, — сказал он, — и судя по волнению, произведенному словами гражданина Лежандра, можно заключить, что тут затронуты важные интересы. Однако, весь вопрос заключается в том, кто одержит верх, несколько человек или целое отечество? Посмотрим, в состоянии ли будет Конвент разбить мнимого идола, давно уже начавшего разрушаться, или же этот идол в своем падении, раздавит и Конвент и французский народ?... Не думает ли Лежандр, что с именем Дантона соединена какая-нибудь привилегия? Нет, нам не нужно привилегий! Нам не нужно идолов.

После Робеспьера выступил Сен-Жюст со своим длинным обвинительным актом, составленным по заметкам Робеспьера, актом в котором были собраны все сплетни про арестованных депутатов, бросающих тень на их характер и нравственность. Они изображались как люди совершенно беспринципные и развратные. Эро де Сешель был поставлен первым в этом обвинительном акте, как сообщник герцогов Орлеанских, Бриссо, Эбера, Дюмурье и Мирабо. В этом обвинялся также и Дантон, но некоторые места обвинительного акта были прямо направлены против Эро де Сешеля, хотя он и не назывался по имени. Между прочим, там заключались намеки на то, что он старался подорвать веру в бессмертие души и «ту веру, — прибавлял Сен Жюст — которая служила утешением умирающему Сократу! Мало того: он даже стремился возвести атеизм в культ, гораздо более непримиримый, нежели простое суеверие и посягал даже на идею вечного Провидения, пекущегося о нас!..»

Затем Сен Жюст обвинял Эро де Сешеля еще и в том, что он также как и Дантон и Лакруа «с ужасом видел падение жирондистов». Он оклеветал Анрио и требовал его головы! Он вступал в сношения с иностранными государствами при помощи тайных агентов и т. д. и т. д.!..

Разобрав до тонкости всю частную жизнь, взгляды и намерения Эро де Сешеля, Дантона и других обвиняемых, Сен-Жюст указал на них трибуналу, как на «участников .всех заговоров, как на служителей всех партий!» Собрание в каком-то оцепенении выслушало все эти уничтожающие обвинения, и ни один голос не возвысился в защиту подсудимых...

Обвиняемые, приведенные в суд, вели себя не только мужественно, но с гордым презрением. Известен напыщенный, высокомерный ответ Дантона на вопросы председателя, об имени, возрасте и местожительстве подсудимого.

— Мое имя Дантон, — отвечал он. — Оно не безызвестно в революции. Мне тридцать пять лет. Жилищем моим скоро будет небытие, имя же мое будет жить вечно в Пантеоне истории, и народ будет почитать мою голову. Да, мою отрубленную голову!.. Его ответы то резкие, то презрительные, раздражали судей, и когда, наконец, председатель призвал его к порядку, то он крикнул громким голосом:

— А я призываю тебя к стыду!..

Тогда председатель начал звонить и при этом крикнул Дантону:

— Ты разве не слышишь моего звонка?

— Человек, защищающий свою жизнь, не слушает звонка! Он смеется над ним и рычит! — отвечал Дантон.

Эро де Сешель вел себя более сдержанно и выказывал лишь холодное презрение ко всему. Категорически опровергнув обвинения в измене революции, в желании восстановить королевскую власть во Франции, он оказал, что считает ниже своего достоинства опровергать другие клеветы, особенно те, которые касаются его частной жизни, его убеждений. Обвинительный акт составлен так, что для всех ясно, к чему он клонится!

Участь Эро де Сешеля и остальных обвиняемых, конечно, была предрешена заранее, и поэтому из судебного процесса были устранены все формальности, весьма, впрочем, существенные для обвиняемых. Первый допрос был сделан обвиняемым только для проформы. Их спросили, правда ли, что они составили заговор против французского народа, желая учредить монархию и уничтожить национальное представительство и республиканское правительство?

Когда предложили этот вопрос Эро де Сешелю, он ответил ироническим тоном:

— Такие отвратительные мысли и намерения, конечно, не могли притти в голову человеку, столько потрудившемуся над проектом республиканской конституции! Это измышления клеветников.

Когда на другой день после допроса пришли за ним в тюрьму, чтобы отвести его в суд, то оказалось, что он спокойно играет ребенком на тюремном дворе уже в течение двух часов. Ему сказали, что пришли за ним и что его поведут в суд, вместе с прочими его товарищами, но он не выказал ни малейшего волнения, простился с другими заключенными, словно отправлялся на прогулку, а не туда, где решалась его участь. Вообще, нервность и беспокойство, замечавшиеся в нем раньше, совершенно исчезли, как только он переступил порог тюрьмы. И он сам утешал и успокаивал своих друзей, печалившихся об его судьбе.

Суд происходил в той самой зале, где некогда заседал парижский парламент и куда блестящее светское общество являлось, чтобы послушать молодого, талантливую оратора, Эро де Сешеля. Он вспомнил это, когда сел на указанное ему место и спокойно улыбаясь, посмотрел на судей, собравшихся для того, чтобы послать его на гильотину. Он нисколько не сомневался в том, что его ожидает! На обычные вопросы, задаваемые председателем, он отвечал с легкой усмешкой:

— Меня зовут Мари-Жан. Эти имена ничем не замечательны, даже среди святых! Раньше я заседал в этой самой зале, где навлек на себя ненависть парламентариев...

Камилл Демулен на вопрос, сколько ему лет, отвечал:

— Мне тридцать два года — возраст санкюлота Иисуса!

Как отвечал Дантон нам уже известно. Вообще Дантон явился в суд, словно разъяренный бык на арену, нагнув свои мощные рога и намереваясь нанести страшный удар врагу. Он как будто все еще надеялся, что ему удастся поднять парижский народ.

Эро де Сешель не разделял его надежд и вел себя на суде с холодным достоинством и с оттенком презрения и отвращения к происходящей комедии. Тем не менее он произнес все-таки горячую и превосходную речь, защищая себя от обвинений и доказывая, что они построены на клевете, подлоге и доносах.

Однако, он прекрасно понимал, что все это бесполезно, что никакая самозащита ни к чему не приведет.

Иначе вел себя Дантон.

— Мой голос столько раз раздававшийся за дело моего народа, защищая его интересы, конечно, мог бы легко опровергнуть все эти клеветы, — сказал он. — Я послужил довольно моему народу и жизнь мне стала в тягость. Но я хочу, чтобы пришли сюда комиссары Конвента и выслушали мои объяснения насчет системы диктатуры. Я продавался? я?.. знайте же, что такой человек, как я, не имеет цены! Сен-Жюст ответит перед потомством за эту клевету, которую он пустил в ход, чтобы сразить лучшего друга народа, его самого горячего защитника! Слава покроет наши имена — это несомненно! И народ разорвет в клочки наших врагов, но только нас уже не будет тогда!...

Слова Дантона волновали публику. Слышались рукоплескания, поднимался шум и дело могло принять другой оборот. Присяжные начали колебаться и положение становилось щекотливым. Обвинения не были доказаны, и поэтому четверо из присяжных высказались за оправдание подсудимых. Но им пригрозили и они замолчали.

Чтобы спасти положение, председатель поспешил объявить судебные прения законченными, на основании состоявшегося в Конvente постановления о том, что «всякий заговорщик, сопротивляющийся национальному правосудию или издевающийся над ним, немедленно теряет право слова».

Когда об этом объявили Дантону, то он воскликнул:

— Как? Да ведь судебные прения даже не начинались? Разве был прочтен здесь хоть один документ, был вызван хоть один свидетель?

Но Эро де Сешель заметил на это:

— Такая тактика меня нисколько не удивляет. Она вполне достойна людей, жаждущих нашей крови ...

Обвиняемые были поставлены вне закона, и протест их только повлек их насильственное удаление из зала суда. В комнату присяжных вошли председатель Дюма и общественный обвинитель Фукье-Тенвилль. После этого состоялся приговор.

Их осудили, не выслушав даже никаких объяснений. Когда им прочли приговор, то Дантон воскликнул:

— Нас приносят в жертву честолюбию нескольких подлых разбойников! Но они не долго будут пользоваться плодом своей преступной победы. Я потащу за собой Робеспьера! Он последует за мной!..

Как известно, его предсказание сбылось.

Эро де Сешель, выслушав приговор, не выказал ни удивления, ни негодования, как Дантон. Он просто заметил:

— Я этого ожидал ... Это было решено раньше ...

Только один Демулен лишился самообладания. Мысль о разлуке с любимой женой привела его в полное отчаяние, и он не мог скрыть этого. Эро де Сешель старался поддержать его мужество.

- Друг мой, мы должны показать им, что умеем умирать! — говорил он ему.

Вернувшись в тюрьму после приговора, Дантон совершенно овладел собою и снова стал прежним Дантоном. Он шутил и старался утешить своих товарищей, поддерживая в них мужество. Редко он проявлял так много остроумия, как в этот последний вечер своей жизни!

— Что в том, что смерть ожидает меня завтра! — восклицал он. — Я хорошо пожил и много приятных минут пережил во время революции. Я порядком покутил, много промотал денег и

обнимал много хорошеньких женщин. Довольно с меня! Теперь пора отдохнуть и заснуть вечным сном...

Эро де Сешель, в противоположность Дантону, был молчалив и сосредоточен. Но твердость и мужество не покидали его до конца.

Утром, 5 апреля 1793 года, по улицам, по которым обыкновенно возили осужденных на казнь, потянулась печальная процессия, направлявшаяся к гильотине. В одной повозке с Эро де Сешелем сидели Дантон, Камилл Демулен и Фабр д'Эглантин. Камилл Демулен был бледен и едва сдерживал себя, чтобы не разрыдаться. Он думал о своей прелестной и трогательной Люсиль и не мог побороть своего отчаяния, несмотря на подбадривания своих товарищей. Когда повозка проезжала мимо Палэ-Рояля, он вспомнил день, накануне взятия Бастилии, когда он обратился к народу с требованием взяться за оружие для борьбы со двором.

— Вот награда первому апостолу свободы! — воскликнул он со слезами в голосе.

Фабр д'Эглантин беспокоился только о судьбе своей рукописи. Он написал комедию, и его рукопись была захвачена вместе со всеми его бумагами во время его ареста. Ему не давала покоя мысль, что неудачный и освистанный публикой автор Брильо-Варенн теперь воспользуется его трудом и выдаст его произведение за свое.

Дантон до конца остался верен себе. Высоко держа голову, он смотрел на всех спокойным и гордым взглядом, хотя его глубоко возмущала мысль, что он побежден «каким-то Робеспьером», которого он считал ниже себя, и что толпа, обычно собиравшаяся смотреть на осужденных, видит теперь его поражение и молчит!

Когда кто-то крикнул что-то неодобрительное в след осужденным, то Дантон рявкнул в ответ громовым голосом:

— Молчать, неблагодарный народ!..

Утром, перед самой казнью, начальник жандармов, его сторонник, предлагал ему отбить его при помощи своего отряда солдат, но Дантон отказался.

— Слишком поздно! — сказал он. — Дайте мне умереть! Пусть из-за меня не проливается кровь...

Эро де Сешель держал себя по дороге на гильотину очень просто и спокойно, без всякой аффектации. Он улыбался знакомым, которых увидел на улице Сент-Оноре и любезно раскланивался с ними, словно ехал на прогулку. Один из очевидцев, видевший его во время проезда, так передает впечатление, которое произвели на него осужденные.

— Красивое лицо бывшего генерального прокурора Эро де Сешеля совершенно спокойно, но это спокойствие совершенно другого рода, нежели спокойствие Дантона... Ни тот, ни другой не были бледны, и на лице их не заметно ни малейших следов волнения. Но лицо Эро де Сешеля выражало полное равнодушие ко всему окружающему, тогда как на лице Дантона, окидывавшего высокомерным взглядом толпу, сверкало глубочайшее презрение. Вообще, глядя на Эро де Сешеля, можно было бы скорее подумать, что он возвращается утром с какого-нибудь банкета, нежели что он отправляется на эшафот. Страх смерти решительно ни в ком не было заметно. Только на лице Камилла Демулена, этого нежного поэта, выражалось глубокое горе. Он думал о своей любимой Люсиль, об ее отчаянии и с трудом удерживал слезы, готовые хлынуть у него из глаз...

Дантон только у подножия эшафота дал на мгновение волю своим чувствам.

— О моя возлюбленная! о моя жена! Я не увижу тебя больше! — воскликнул он, но тут же овладел собою и внезапно остановившись, проговорил:

— Дантон, не ослабевай!

Ему пришлось последнему положить свою голову под нож гильотины, когда весь эшафот был уже залит кровью его товарищей. Что-то в роде рыдания вырвалось у него, но он тотчас же сказал себе:

— Крепись, Дантон!..

Затем, обратившись к палачу, он прибавил:

- Покажи мою голову народу, она этого стоит!..

Палач исполнил это.

Эро де Сешель не промолвил ни слова и стоял, дожидаясь своей очереди. Он, повидимому, уже совершенно отрешился от жизни, от всех ее радостей и силой воли победил в себе тот страх смерти, который так преследовал его все последние месяцы его жизни, лишая его душевного равновесия.

Он первый вышел из повозки, когда она остановилась у эшафота, и оглянулся. В толпе чья-то женская рука махнула ему на прощание. Была ли это его верная подруга Адель Бельгард, или госпожа де Моранси? Неизвестно присутствовали ли они при его казни? Впрочем много других женщин любили красавца Эро де Сешеля и много слез было пролито ими в этот роковой день!..

Он стоял и смотрел на статую свободы, которая возвышалась перед ним. Это была та самая статуя, у подножия которой в знаменательный день провозглашения конституции, он стоял гордый и счастливый, упиваясь своим торжеством и энтузиазмом толпы, растилавшейся у его ног...

ЭРО де СЕШЕЛЬ –
ТВОРЕЦ ФРАНЦУЗСКОЙ КОНСТИТУЦИИ 1793 г.

Это было так недавно, всего несколько месяцев тому назад! А теперь?..

Однако и на статуе были также заметны следы разрушения. Зимняя непогода сделала свое дело, и в это яркое солнечное весеннее утро, посеревший и облупившийся памятник свободы, возвышающийся в виду торжественной гильотины, произвел особенно унылое впечатление.

Но революция, низвергшая и разбившая все на своем пути, не могла остановиться по желанию нескольких человек, требовавших умеренности! Время для этого еще не наступило.

Что думал Эро де Сешель, смотря на эту статую в последний раз?..

Эро де Сешель видел, как одна за другой скатывались головы его товарищей. Затем наступила и его очередь...

Последним был казнен Дантон.

В тот же день вечером в театре Национальной оперы была исполнена актерами пятиактная пьеса, озаглавленная: «Праздник Десятого Августа или провозглашение республики». Образ Эро де Сешеля снова воскрес перед зрителями. Вот он, гордый и свободный стоит у подножия статуи свободы, потрясая горящим факелом, который держит в руке!.. Публика восторженно аплодировала актеру, загримированному Эро де Сешелем. А в это время голова настоящего Эро де Сешеля лежала в корзине, наполненной древесными опилками, пропитанными кровью...

О Мари-Жане Эро де Сешеле:

Персональная подборка ссылок <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#HS>

Поездка в Монбар («Бюффон перед концом жизни») - из записок Эро де Сешеля в переводе Н.М.Карамзина

«Полином Сешеля» - *НеОБЯзАтЕльнЫе* комментарии

Афоризмы Эро де Сешеля

Эро - о Руссо

Миссия (не)выполнима: отчеты из департамента Монблан

Из переписки с Лафатером

в процессе над Людовиком XVI

В *ЕЕ* день рождения

Почему - «Алкивиад»?

Гексли - Дон Жуан - Психолог - Коммуникатор: кто он с точки зрения соционики?..

«Вас люблю, люблю я добродетель...» Эро и Шарлотта Корде в пьесе *Салля* с комментариями *М.Алданова*

Старый сундук, или Рождественские подарки для взрослых

в драме *Г.Бюхнера* «Смерть Дантона»

в драме *А.Н.Толстого* «Смерть Дантона»

1792 год: Эро, королева и санкюлоты

КАЗНИТЬ ? НЕЛЬЗЯ ? ПОМИЛОВАТЬ?.. страницы истории, которые *чуть не...*

в *зингшпиле* «Елка»

Все мы - из детства: *откуда берутся проекты реформ и конституций*

Кинопробы-1

Кажется, фильм О НЕМ уже был?!..

Какими мы их видим? Ищите его среди одиннадцати «неизвестных»!

А чем вы занимались ДО 1789 года?!.. *Аристократию выводят на чистую воду.*

М.Робеспьер. Заметки против дантонистов

Революционный трибунал. Глава 12 («Дело К.Демулена и Дантона»)

Его библиотека и книги любимые

Э.Эйзенштейн. Кто выступил в 1788 году? (комментарии к книге *Ж.Лефевра* «Начало Французской революции»). Перевод с англ., коммент. *Д.Бовыкина* и *Н.Корнопелевой*